

КАТЫНЬ 1940

Нью-Йорк
1987

Леопольд Ежевский

КАТЫНЬ 1940

1987

3-е издание

Сокращенный перевод с польского
Ольги и Эдуарда Штейн

Редактор А. Серебренников

На стр. 4 обложки — памятник Катыни, открытый
18 сентября 1976 года в Англии

© by TELEX 1983

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Польские пленные в Советском Союзе	5
Козельск, Старобельск, Осташково	8
Смерть в лесу	21
Расследование и политика	25
Преступление и политика	34
После войны	44
История и совесть мира	48
Памятники Катыни	53
Правда о Катыни нужна всем	55
Иллюстрации	59

[illegible]

Предисловие

Катынь... Для поляка имя этого местечка на Смоленщине говорит очень о многом. Оно говорит и о Советском Союзе, и о судьбе Польши, и о советской политике по отношению к польскому народу. Российские читатели работы Леопольда Ежовского узнают о таких местах, как Козельск, Старобельск и Осташиково — там до апреля 1940 года содержались польские офицеры, взятые в плен Красной Армией; таких, как Гнездово, куда привезли тысячи, а вернулся только один; как Павлицев бор и Грязовец, куда попали те, которые потом сообщили о четырнадцати тысячах пропавших.

Четыре тысячи из четырнадцати были обнаружены в катынских могилах, о могилах остальных десяти тысяч точно ничего не известно.

Книга Ежовского — не только о смерти, но и об ответственности убийц, и об ответственности тех циничных политиков, которые помогли убийцам скрыть преступление.

«Катынь 1940» впервые была опубликована варшавским неподцензурным издательством «Глос» весной 1980 года. В ноябре 1981 года было подготовлено к тиражированию ее второе, дополненное, издание, однако военное положение, введенное в Польшу 13 декабря, остановило работу. Перевод на русский язык осуществлен со второго издания.

Прав Леопольд Ежовский, утверждая, что память об убитых в Катыни сама по себе недостаточна. Ведь до сих пор в катынском злодеянии не признались ни организаторы его, ни их преемники, а потому сохраняется вырытая ими пропасть между нашими народами. В предисловии к польскому изданию автор пишет: «Только на правде о прошлом, а не на лжи и умалчивании, возможно установить мир и дружбу между Россией и Польшей». Эта потребность в правде и справедливости руководила автором в его исследовании катынской трагедии.

Издательство «Глос»

Польские военнопленные в Советском Союзе

В ночь с 23 на 24 августа 1939 года Риббентроп и Молотов подписали в Москве так называемый пакт о ненападении, превративший недавних врагов в друзей, а также тайный протокол к этому договору, определяющий границы между двумя державами после очередного раздела Польши. Договор этот, ратифицированный 31 августа Верховным Советом СССР, развязал вторую мировую войну. В течение первых 16-ти дней сентябрьской кампании немецкий посол в Москве фон Шуленбург настоятельно требовал от советской стороны соблюдения условий договора, а именно: нападения на Польшу. Это произошло в 3 часа ночи с 16 на 17 сентября. Польское правительство не сочло нужным юридически определить отношения между СССР и Польшей после этой агрессии, а главнокомандующий, маршал Эдвард Рыдз-Смиглы, в 16 часов того же дня выступил с так называемой «общей директивой» — приказом не оказывать сопротивления наступающим частям Красной Армии. Последствия были трагичны. То, что Польша официально не находилась в состоянии войны с СССР, лишило интернированных поляков прав военнопленных, превращая их, в понимании советских властей, в контрреволюционные элементы, задержанные с оружием в руках на территории СССР. Халатность польского правительства лишила страну возможности апеллировать к международному общественному мнению, чтобы однозначно назвать двух агрессоров, объявив их, согласно реальным фактам, державами-союзниками.

Солдаты и офицеры младшего и среднего составов, дислоцированные в восточных воеводствах, были полны решимости дать заслуженный отпор новому агрессору. Но, к сожалению, большинство генералитета и высшего офи-

церского состава придерживались иной тактики: еще до получения «общей директивы» Рыдза-Смиглого они начали спонтанно выполнять ее. В рядах польских войск это вызвало огромное замешательство. А так как правительство не побеспокоилось о том, чтобы предупредить солдат об опасности советского плена, многие добровольно сдавались Красной Армии. Тем не менее часть польской армии оказала сопротивление, продолжавшееся приблизительно до 1-го октября.

На основании известных данных (на 17 сентября) о численном составе и вооружении польских частей на восточных границах страны можно утверждать, что организованное сопротивление советской армии было возможным, по крайней мере, в течение 10 дней. В боях можно было использовать до 300 тысяч солдат. Эти силы располагали значительными запасами оружия. Выступая 31 октября 1939 года на сессии Верховного Совета, Вячеслав Молотов отметил, что в числе трофеев Красной Армии оказалось: 900 орудий и миллион артиллерийских снарядов, более 10000 автоматов, свыше 300 тысяч винтовок и 150 миллионов патронов к ним. Поражение, однако, было бы неизбежным. Сопротивление ставило бы себе целью не столько дать отпор новому агрессору, сколько привлечь внимание всего мира к еще одному фронту в Польше и показать согласованность действий Советского Союза и фашистской Германии. Это могло бы иметь решающее значение для будущего Польши.

Более того, вооруженное сопротивление советской агрессии давало большие шансы на спасение солдат и офицеров, участвующих в боях. Отступление же с восточного фронта в направлении немецкого театра военных действий давало бы возможность сдаться в плен Вермахту, что, в свою очередь, гарантировало бы польским офицерам возможность пережить войну в лагерях для военнопленных офицеров. Знаменателен факт, что те генералы и офицеры, которые пытались установить хоть какой-нибудь контакт с представителями советской армии, почти все погибли. Командующий Гродненским военным округом генерал Юзеф Ольшина-Вильчинский вместе с группой своих офицеров был убит под Сопочкинями подразделением советских войск в тот момент, когда пытался вести с ним переговоры. Генерал Мечеслав Сморовинский, кото-

рый 17 сентября, еще до получения приказа Рыдза-Смиглого, запретил своим частям в Збаражу оказывать сопротивление Красной Армии, был обнаружен в 1943 году среди погибших в Катыни. С другой стороны, командир полка пограничных войск «Подолье» полковник Марцели Котарба, который первый встретил огнем наступающие части противника и до полудня 17-го сентября сдерживал их продвижение по направлению к ставке Главнокомандующего, сумел пробиться на запад и тем самым уцелеть. Генерал Вильгельм Орлик-Рюкеманн, командующий погранвойсками в районе Полесья и Волыни, в течение 13 дней, оказывая сопротивление Красной Армии, два раза вступал в тяжелые бои. Отступая со своими войсками на запад, он в районе Буга, уже на оккупированной немцами территории, расформировал свой корпус и спас от советского плена большую часть своих подчиненных. С группой офицеров, переодетый в гражданскую одежду, он пробился в Варшаву и стал участником Сопротивления.

Трудно понять, почему, отказавшись от сопротивления, Генеральный штаб не отдал польским частям, которым угрожал «котел» Красной Армии, приказ расформироваться и, сбросив мундиры, уйти в подполье. Известны случаи, к сожалению, немногочисленные, когда польские офицеры в безнадёжной ситуации уничтожали свои документы и меняли мундиры на любую гражданскую одежду. Эти люди в большинстве своем уцелели, в то время как другие, слепо выполнившие приказ Рыдза-Смиглого, попали в Козельск, Старобельск или Осташков.

Согласно советским источникам, Красная Армия в сентябре 1939 года взяла в плен 230670 польских солдат и офицеров. В результате массовых арестов на территории, оккупированной советскими войсками, число это возросло в последующие месяцы и достигло 250 тысяч человек, из них — 10 тысяч офицеров. Некоторые сержанты и офицеры не были захвачены в боях, а сами по наивности являлись в комендатуры Красной Армии. Сержантско-рядовой состав польской пехоты не особенно интересовал органы НКВД. Около 46 тысяч человек было освобождено, более 180 тысяч депортировано вглубь СССР. Некоторые из них покинули Советский Союз в рядах армии генерала Андерса в 1942 году, кое-кто попал в так называемую Польскую армию под командованием генерала Зигмунта

Берлинга. Многие же погибли на советской территории, как и большинство из 1,2 миллиона депортированных в СССР польских граждан. Особое внимание органы НКВД уделили польскому офицерскому корпусу, состоявшему не только из кадровых военных, но преимущественно из офицеров запаса, представителей польской интеллигенции, мобилизованных в начале войны.

Польские офицеры, этапированные вглубь России, были временно размещены в пересылках (октябрь 1939), число которых достигало 138. В ноябре 1939 года были созданы три больших лагеря военнопленных, куда перевели большинство сержантов и офицеров польской армии, а также должностных лиц спецслужб (однако не всех, так как часть из них сразу же исчезла в недрах тюрем НКВД).

Козельск, Старобельск, Осташков

Главный лагерь для военнопленных был создан в Козельске, находящемся на железнодорожной линии Смоленск-Тула, в 250 км. на юго-восток от Смоленска. Лагерь разместили на территории бывшего монастыря — в большой церкви, в прилегающих к ней постройках и в поселке небольших домиков-скитов, служивших некогда паломникам. В монастыре содержались офицеры, взятые в плен на немецкой территории, а в скитах — задержанные на советской. Раздел проводился последовательно, и контакты между двумя частями лагеря жестко ограничивались. Вначале Козельский лагерь насчитывал около пяти тысяч военнопленных, в период же его ликвидации (апрель 1940) — около 4,5 тысяч, так как часть пленных была уже вывезена в неизвестном направлении. В лагерь продолжали привозить новых пленных (не всегда военных) группами по 10 и больше человек. Среди заключенных была одна женщина: подпоручик-летчица, дочь генерала Юзефа Довбур-Мисьницкого. Немцам не было известно о факте ее пребывания в лагере, и поэтому, когда ее останки были обнаружены в катынских могилах, они столкнулись с загадкой: каким образом женщина оказалась среди убитых офицеров.

В Козельском лагере находилось более двадцати профессоров высших учебных заведений, более трехсот врачей, несколько сот юристов, инженеров и учителей, более ста литераторов и журналистов (следует помнить, что большинство польских военнопленных в СССР, как это отмечалось выше, составляли офицеры запаса, мобилизованные в начале войны).

Второй офицерский лагерь был создан в Старобельске, в восточной части Украины, на юго-восток от Харькова. И этот лагерь был размещен в монастырских постройках. Сюда привезли почти всех офицеров из района обороны Львова, взятых в плен вопреки акту о капитуляции, гарантировавшему им свободу. В Старобельске находилось около двадцати профессоров высших учебных заведений, около 400 врачей, несколько сот юристов и инженеров, около ста учителей, около 600 летчиков, многочисленные общественные деятели, группа литераторов и журналистов. В этот лагерь попали весь без исключения коллектив НИИ по борьбе с газами, почти весь коллектив института по вооружению Польской армии. Под конец своего существования лагерь насчитывал 3920 военнопленных.

Самый крупный лагерь военнопленных, в котором находилось около 6500 человек, был создан в Осташкове, на юго-запад от Калинина (бывшая Тверь), на одном из островов озера Селигер. Как и в первых двух лагерях, пленных разместили в зданиях бывшего монастыря. В Осташковском лагере содержалось около 400 офицеров, все взятые в плен пограничники, жандармские чины, члены военных судов, группа католических священников, несколько тысяч полицейских, несколько сот сержантов и старшин. Тут же находилась и группа землевладельцев, вывезенных из восточных районов Польши.

В сумме в лагерях находилось 14500-14800 пленных, две трети которых (около 8400) составляли офицеры, одну треть — интеллектуальная элита Польши: ученые, гуманитарии, инженеры, учителя, журналисты, литераторы, известные общественные деятели, около 800 врачей. Из общего числа 14500 уцелело только 449 человек. И если сегодня мы можем что-либо сказать о положении в этих трех лагерях, если нам известны точные сроки и методы их ликвидации, то только благодаря тому, что по необъяснимым причинам эти 449 человек избежали смерти. Большин-

ству уцелевших удалось выбраться из СССР и рассказать правду о пережитом.

Здесь будет уместно остановиться на одном принципиальном вопросе. До сегодняшнего дня в исторической литературе к жертвам Катыни из Козельского лагеря применяется термин «ликвидированные», в то время как жертвы Старобельска и Осташкова считаются «без вести пропавшими в России». Это абсурдное разграничение вызывает горечь и недоумение. Ведь узники Старобельского и Осташковского лагерей не затерялись во время прогулки по лесу или по горам. Они были ликвидированы в то же самое время, что и узники Козельска. И если по сей день не произведена эксгумация их останков, это отнюдь не означает, что убийцы не несут ответственности за эти 10 тысяч человеческих жизней.

Наиболее полная информация собрана о событиях в Козельском лагере, хотя имеются основания полагать, что ситуация в Старобельске и Осташкове была такая же. Одновременно с прибытием военнопленных в лагерь (ноябрь 1939 г.) там начали работать особые следственные комиссии НКВД. Каждый узник подвергался допросу, иногда и многократному. Органы особенно интересовались политическими воззрениями пленных. На каждого узника было заведено личное дело. Интересно, что во время допросов пленных, родом из восточных областей Польши, следователи просто ошеломяли своей осведомленностью об их жизни и окружении. Свидетельствует это о том, что следственный аппарат работал с огромной нагрузкой, совершенно не соответствующей «составу преступления» подсудимых. В работу была вовлечена целая армия энкаведистов, в Москву были отправлены тысячи личных дел. Можно предполагать, что эта трагическая документация и ныне хранится в архивах КГБ.

«Сбор материала» в лагере проводился людьми различного интеллекта, однако, по словам уцелевших, несмотря на атмосферу принуждения и морального давления, все происходило без особой жестокости. Методы допросов порождали у заключенных надежду, что, может быть, их или обменяют, или куда-нибудь переселят. Отсюда-то и возникали иллюзорные надежды, о которых речь пойдет ниже.

Следствием руководил иногда появлявшийся в Козель-

ске некто Зарубин, чин НКВД с высоким званием комбрига (что соответствовало званию генерал-майора и что в НКВД, как правило, значило на одно-два звания выше, чем в сухопутных войсках). Главный свидетель катынского дела, профессор Станислав Свяневич (до войны экономист, доцент университета имени Стефана Батория в Вильнюсе, глубокий знаток советской и немецкой экономики, призванный в армию в чине поручика), отзывался о Зарубине довольно положительно. Зарубин, по мнению Свяневича, был человеком культурным, хорошо воспитанным, легко вступающим в контакт, «он обладал манерами и лоском светского человека». Кажется, свободно владел французским и немецким, немного говорил по-английски. И, что удивительно для тогдашних советских условий, по собственному опыту знал некоторые страны Западной Европы. Зарубин допрашивал только избранных, тех, кто его интересовал своими интеллектуальными качествами или политическими взглядами. С подследственными он обращался с подчеркнутой вежливостью, так что некоторые, зная его высокое положение в иерархии лагерных властей, наивно принимали это обращение за знак положительных намерений советских властей по отношению к польским военнопленным. Следует добавить, что, несмотря на тяжелые лагерные условия, над узниками не издевались (хотя карцером каралось любое проявление религиозной практики). Питание было скромное, но в достаточном количестве. Личность комбрига Зарубина интриговала всех, вызывая и беспокойство и порождая одновременно надежды. Интересно, что проф. Свяневич (об особом отношении которого к советской России мы еще поговорим) пишет о Зарубине даже с оттенком некоторой симпатии.

Эту симпатию следует считать иррациональной. Ведь среди ответственных за катынские злодеяния комбриг Зарубин безусловно был первым. Вероятно, не ему принадлежит окончательное решение вопроса, мы даже можем предполагать, что, благодаря его рекомендациям, некоторым удалось избежать расправы. Но его мнение о психологии, полезности или возможной опасности польских военнопленных для СССР сыграло основную роль в решении того человека, вероятно — самого Сталина, который распорядился ликвидировать почти всех.

Следы Зарубина теряются в марте 1940 г. Потом его уже никто не видел и не слышал о нем. Может быть, он стал жертвой очередной сталинской чистки как опасный очевидец «окончательного решения» катынского вопроса. Нельзя, однако, исключить вероятность того, что он успешно пережил войну и Сталина и продолжает жить под другой фамилией. Можно даже предположить, что по заданию Кремля он под вымышленной фамилией орудовал в Польше в трагические для нее 1944-1956 гг. Судьба этого человека особенно интересует следствие, которое когда-нибудь займется выяснением обстоятельств катынской трагедии.

Зарубин всегда был главным человеком в лагере. Только в марте 1940 г. его заменил не известный по фамилии полковник НКВД с «красным лицом мясника». В его обязанности входила организация транспортировки пленных; как правило, он сопровождал этапы до станции Гнездово, в 3-х км. от катынского леса, а может быть, и до самого места казни.

В лагерях, в особенности в Козельске и Старобельске, атмосфера была спокойная, даже оптимистическая. Как страшно слышать сегодня об этих иллюзиях и надеждах, царивших в трех лагерях, ведь офицеры могли и должны были знать о существовавших тогда в СССР методах решения подобных политических вопросов. Всеобщее оцепенение свидетельствует о своеобразном психозе, истоки которого необъяснимы. Во всяком случае, среди пленных не нашлось ни одного, кто смог бы предположить, что всех их ждет скорая и неминуемая гибель. Существовала надежда, что пленных передадут союзникам или, в худшем случае, выдадут немцам. Выдачу немцам пленные считали наихудшим вариантом и почти все требовали высылки их в одну из нейтральных стран. Польские генералы, находившиеся в лагере, требовали от своих подчиненных, чтобы те всячески протестовали в случае выдачи их немцам. Несчастные, они не понимали, что именно такое решение вопроса спасло бы жизнь многим из тех, кто был уничтожен весной 1940 года.

Анализ некоторых источников дает основания полагать, что вопрос о выдаче немцам части военнопленных обсуждался в ходе переговоров между фашистской Германией и Советским Союзом (предположительно, речь шла о

заключенных из Козельского «монастыря», а не о «ски-товцах», живших ранее на территориях, присоединенных к СССР, поскольку они в любом случае были обречены). Как хорошо известно, в марте 1940 г. в Кракове и Закопане состоялось одно из последних совещаний между НКВД и Гестапо, где обсуждались совместные действия в борьбе с польским сопротивлением. Ликвидация трех лагерей военнопленных была проведена сразу же после этого совещания. Немцы, видимо, отказались принять польских военнопленных. Они не хотели перегружать свои «офлаги» еще несколькими тысячами польских офицеров. И, очевидно, это ускорило ликвидацию трех лагерей. Не последнее значение имел и чисто технический вопрос: нужно ведь было куда-то деть более 10 тысяч трупов. Зима 1939-40 г. выдалась исключительно суровая, землю сковало, копать массовые могилы в таких условиях было невозможно. Только в конце марта земля под Смоленском, Харьковом и Бологое достаточно оттаяла...

В канун Рождества 1939 года пленным впервые было разрешено написать по одному письму родным. В Польшу посыпались письма (и в Генеральную губернию, и в районы, аннексированные Германией, и на территорию советской зоны оккупации), подтверждавшие и сам факт существования лагерей и дававшие представление об общей численности содержащихся в них офицеров. Переписка с Польшей с перебоями продолжалась несколько месяцев. Некоторые семьи получили только рождественские письма и открытки на Пасху 1940 года, но бывали случаи и более регулярной переписки. Письма из Козельска, Старобельска и Осташкова информировали о месте нахождения этих лагерей (об этом свидетельствовали штемпели почтовых отправлений). Это должно было бы возбудить беспокойство разведки Союза вооруженной борьбы, которая, в свою очередь, должна бы была оказать давление на польское правительство, находившееся в то время во Франции. К сожалению, ничего не было предпринято. Переписка с лагерями в Козельске, Старобельске и Осташкове оборвалась внезапно, в апреле 1940 г. После этого адресаты в Польше не получили больше ни одного письма. До 21 июня 1941 г. приходили письма лишь от 448 пленных, переведенных, как мы расскажем ниже, в лагерь в Грязовце. 14 тысяч замолчали вдруг навсегда.

Станислав Свяневич пишет: «В Козельске мне неоднократно доводилось слышать мнение, что нам де не угрожают ни расстрелы, ни принудительные каторжные работы, так как, хотя Советский Союз и не подписал Женевскую конвенцию об отношении к военнопленным, он вынужден считаться с мировым общественным мнением». Эти детские иллюзии люди сохраняли вплоть до момента посадки в товарные вагоны, в которых их везли на казнь. Узники трех лагерей не сомневались, что за их судьбой следит польское правительство во Франции и она (их судьба) вызывает серьезные международные трения, особенно из-за нажима на СССР со стороны правительств Великобритании и Франции. Увы, они глубоко заблуждались! С горечью можно констатировать: их судьба никого не трогала. Факт этот сильно компрометирует правительство генерала Сикорского, знавшего, что в руках Советского Союза оказалось около 10 тысяч польских офицеров. Никто не имеет права заявлять, что угрозу их жизни можно было не принимать всерьез. Всему миру было известно, что в СССР проводится массовое уничтожение людей. Трудно, конечно, судить о том, увенчались ли бы успехом попытки генерала Сикорского, направленные на освобождение этих пленных советскими войсками, хотя бы только с целью передачи их в немецкие лагеря военнопленных, где жизнь их не подвергалась бы непосредственной опасности. Бесспорен факт, что в этом направлении не было предпринято никаких шагов. А формальные предпосылки для этого существовали. 18 сентября 1939 года посол Вацлав Гжибовский, которому советское правительство отказало в аккредитации на основании того, что польское государство якобы «перестало существовать» (и это в то время, когда полумиллионная польская армия все еще оказывала сопротивление агрессорам), передал заботу о польских гражданах, находившихся на территории СССР, послу Великобритании, сэру Вильяму Сидсу. Однако польское правительство в изгнании не воспользовалось посредничеством Сидса. В начале 1940 года во Францию прибыли три офицера, сбежавшие из пересылки в Шепетовке, перед отправкой в Козельск или Старобельск. Проинформированный об их рассказах, генерал Сикорский поручил министерству иностранных дел просить, через американского посла при Польском правительстве в изгнании, помощи американ-

ского правительства (!) в облегчении участи польских военнопленных в СССР. Из этого, конечно, ничего не вышло. Больше никаких попыток не предпринималось. Правительство генерала Сикорского не использовало возможности прибегнуть к помощи Международного Красного Креста и нейтральных стран для передачи пленных Германии, наивно полагая, что в советских руках они в большей безопасности; кроме того, правительство категорически отвергало любые контакты с Берлином, даже жизненно важные для страны, считая их идущими вразрез с идеей «единства союзников». Сегодня такую точку зрения трудно даже комментировать, хотя следует отметить, что в исторической перспективе невежественность не может служить оправданием политикам, как заметил, в частности, Владислав Побуг-Малиновский. Предпочиталось в ожидании скорой победы над гитлеризмом оставить этих людей в советских лагерях. Однако ситуация изменилась коренным образом после падения Франции в июне 1940 года и потери польской армии на Западе. Лишь когда возникла проблема кадров для создания новой армии, уже на территории Великобритании, только тогда вспомнили о польских военнопленных в советских лагерях. Возникли даже наивные проекты создания польской армии на советской территории, в стране, все еще находившейся в дружественных отношениях с Германией. Один из таких проектов был даже представлен Черчиллю, но, к счастью, от него быстро отказались. Этот план был неактуален в любом случае: 97% офицерского корпуса будущей армии уже несколько недель лежали в могилах Катыни и в двух других местах массовых злодеяний.

Смерть в лесу

Ликвидация польских военнопленных из лагерей Козельска, Старобельска и Осташкова началась в декабре 1939 года. В сочельник из трех лагерей были вывезены капелланы (военные священники) всех религий, в общей сложности около 200 человек. Их убили в неизвестном

месте или местах. В Козельске спастись удалось лишь одному капеллану, Яну Леону Зюлковскому, который случайно находился в лагерном карцере, что продлило ему жизнь почти на четыре месяца. 8 марта 1940 года из Козельска были увезены еще 14 офицеров, отобранных по каким-то неизвестным критериям. Из них уцелел только один человек, 13 же были казнены.

Мы не знаем, кому принадлежит решение о ликвидации большинства военнопленных Козельска, Старобельска и Осташкова. Можно только предположить, что ни тогдашний шеф НКВД Лаврентий Берия, ни его заместитель Меркулов не могли сами рискнуть принять такое решение. Вероятно, на основании рапорта комбрига Зарубина решение было принято самим Сталиным. Ликвидация трех лагерей началась и закончилась одновременно. Первый транспорт с пленными покинул Козельск 3 апреля, Осташково — 4 апреля, Старобельск — 5 апреля. Последние транспорты ушли из Козельска и Старобельска 12 мая, а из Осташкова — 16 мая.

Интересно, что перед отправкой всем пленным делали прививки против брюшного тифа и холеры. Зачем, по сей день неизвестно. Свяневич усматривает в этом типичный беспорядок, присущий советскому бюрократическому аппарату, и многоступенчатость решений, когда одна инстанция НКВД не знала, что делает другая. Более вероятным кажется, что это была игра, целью которой было обмануть и успокоить бдительность пленных. Внушали же им неоднократно, что «они едут на Запад» (что, учитывая географическое положение Козельска, было даже правдой). Им выдали даже сухие пайки, завернутые (редкость в СССР) не в газетную бумагу, а в оберточную. Внимание пленных, однако, привлекло необычно жестокое поведение охраны. Выходя из лагерных ворот, пленные предчувствовали какой-то поворот в своей судьбе.

Почти все они были убеждены в том, что их везут выдавать немцам. И поэтому старались, в меру своих скромных возможностей, привести в порядок мундиры, дабы достойно предстать перед лицом врага. Пленных погрузили в «столыпинские» вагоны без окон, только с маленькими вентиляционными устройствами под потолком. Поезда отходили в неизвестном направлении. В Козельске этапы насчитывали от 50 до 344 человек, в

Старобельске от 18 до 240, в Осташкове, наверно, столько же. Если в Козельске и Старобельске на этап отправляли не ежедневно (случались даже перерывы; например, в Старобельске от 26 апреля до 2 мая, что можно, скорее всего, объяснить первомайскими праздниками), то в Осташкове, наиболее многочисленном лагере, этапы формировались каждый день, иногда бывало даже по три этапа в день. Обычно перед этапом, что было отмечено в Козельске, лагерные власти по телефону из Москвы получали списки военнопленных, подлежащих этапированию в этот день. Остающиеся в лагере пленные старались записывать фамилии вывезенных или хотя бы их количество, что впоследствии стало основой для составления списков, хотя и неполных, пропавших без вести.

Тут мы подходим, вероятно, к самой большой тайне катынского преступления, поскольку не всех этаплируемых направляли в места массового истребления. С точки зрения особых советских государственных интересов, тут была допущена непоправимая ошибка: власти сохранили жизнь несколькимстам очевидцам, давшим позднее правдивые показания. Если бы погибли все, мы бы располагали только результатами эксгумации останков в Катыни в 1943 году, данными, вполне достаточными для определения времени преступления, но мы бы не узнали обстоятельств, сопровождавших его.

Почему некоторые пленные избежали расстрела — этого мы никогда не узнаем. По сей день никто не занялся анализом характера, мировоззрения, политических убеждений 449 человек, избежавших смерти. А ведь этот-то анализ мог стать основой для далеко идущих выводов. Расправы избежала горстка офицеров, проявившая готовность сотрудничать с советскими властями (группа крайне малочисленная); некоторые выдающиеся ученые и политики, а также люди, занимавшиеся до войны антисоветской деятельностью и связанные с польской разведкой и движением «Прометей». Эти последние могли быть еще использованы для дачи дополнительных показаний.

Из общего числа в 90 эшелонов (из Козельска был отправлен 21 эшелон) 7 были направлены не к месту казни, а в небольшой лагерь, находившийся в Павлищевом бору, около Калуги, а оттуда всех уцелевших пленных вскоре перевели в Грязовец, под Вологдой. Казни избежали два

этапа из Козельска (26 апреля и 12 мая 1940 года), два этапа из Старобельска (25 апреля и 12 мая), а также три этапа из Осташкова (29 апреля, 13 и 16 мая). Всего в Козельске отобрали $150 + 95 = 245$ пленных, в Старобельске — $63 + 16 = 79$ (причем этих 63 пленных отобрали в последний момент из группы в 200 человек, 25 апреля); в Осташкове — $60 + 45 + 19 = 124$; что в общей сложности дает цифру в 448 человек. Спаслось, однако, 449 человек. Судьба этого последнего из спасшихся заслуживает особо пристального внимания.

Профессор Станислав Свяневич 29 апреля был направлен в восемнадцатый по счету этап из Козельска. Узников продержали в эшелоне более суток, причем охрана вела себя с необычайной жестокостью, резко контрастировавшей с относительно вежливым поведением лагерной охраны. 30 апреля 1940 года поезд остановили на какой-то станции. Это было Гнездово. В вагон вошел полковник НКВД с «багровым лицом» и по фамилии вызвал профессора Свяневича. Его тут же перевели в другой вагон и заперли в пустом купе. Проф. Свяневич взгромоздился на верхнюю полку, откуда через щелку мог видеть все, что происходило снаружи.

Станцию оцепили вооруженные до зубов части войск НКВД. К дверям вагонов каждые полчаса подъезжал автобус, вмещавший до 30 человек (окна его были покрашены известкой). Автобус останавливался так, что пленные офицеры входили в него прямо из вагонов. Забрав очередную партию в 30 человек, автобус исчезал в близлежащем лесу. Так был «разгружен» весь состав.

Только потом выяснилось, что станция Гнездово находилась в 3-х км. от места массового убийства пленных, в той части катынского леса, которую местные жители называют «Косогоры». На расстоянии 3-х км. пистолетные выстрелы уже не слышны. Профессор Свяневич говорит, что ему даже в голову не приходило, что офицеров неподалеку расстреливают. «Я не подозревал, что в тот момент, в сиянии такого весеннего дня расстреливали людей», — пишет он. В полдень «черный ворон» доставил профессора Свяневича в Смоленск, в городскую тюрьму, откуда его вскоре перевезли в Москву, на Лубянку.

Все без исключения товарищи проф. Свяневича по несчастью из 18-го этапа 29 апреля 1940 года были найдены

в катынских могилах. Почему же он единственный уцелел? Сам он не может дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Ведь, если по каким-то причинам ему предполагалось сохранить жизнь, в таком случае профессора надлежало включить в один из этапов, направленных в Павлищев бор. Может быть, произошла ошибка, может быть, в последний момент сообразили, что в эшелоне смертников находится человек, нужный Москве для дальнейшего следствия. Профессор Свяневич предполагает, что его собирались судить за его работу по изучению экономики СССР как опасного шпиона. Объяснение это нельзя считать удовлетворительным. При всей иррациональности многих смертных приговоров в СССР трудно предположить, что человека, особенно «отягощенного составом преступления» против СССР, не расстреляли только потому, что хотели посадить на скамью подсудимых. Разгадка, как кажется, кроется в другом: проф. Свяневич был крупным специалистом по тоталитарной экономике, прежде всего по экономике Третьего Рейха, и как таковой мог быть использован советской разведкой. Именно этим можно объяснить его неожиданное спасение после ошибочного включения в эшелон смертников.

Факт, что Станислав Свяневич пережил советские тюрьмы и сегодня живет на Западе, имеет неоценимое значение для исследования Катынского дела. Он единственный польский офицер, который в момент катынского расстрела находился в 3-х км. от места преступления и собственными глазами видел, как людей уводили на казнь. Еще раз следует подчеркнуть: Станислав Свяневич — уникальный свидетель. Это имеет особенно важное значение, так как после войны (и даже в последние годы) стали распространяться фантастические слухи о спасении якобы одного-двух «недострелянных» в Катыни офицеров, которым ночью удалось выползти из не засыпанных еще могил и таким образом спастись. Эти слухи были использованы в сенсационных романах, вышедших в Англии и США. Даже в Польше можно встретить людей, утверждающих, что они «недострелянные» катынские жертвы. Все это можно считать или коммерческим использованием национальной трагедии, или просто мифоманией. Из польских военнопленных, попавших в катынский лес, никто не мог уцелеть и не уцелел.

448 уцелевших пребывали в Грязовце вплоть до начала Великой Отечественной войны 1941 года. В лагере стали возникать различные группы и группировки, выделилась даже небольшая группа офицеров во главе с полковником Зигмунтом Берлингом, готовая сотрудничать с советским правительством. Эту группу в октябре 1940 года перевезли в Москву. С ней разговаривали высшие чины НКВД во главе с Берией и Меркуловым. Отношения между СССР и фашистской Германией с конца 1939 года начали ухудшаться, и кремлевские вожди впервые стали допускать возможность войны с Гитлером. Группа польских офицеров, выразившая согласие на сотрудничество с СССР, должна была стать ядром небольшой польской армии, основой будущих коммунистических сил, главной задачей которых было бы создание в Польше режима, послушного воле Москвы. Как пишет в своих мемуарах Юзеф Чапский, ссылаясь на трех свидетелей беседы, имевшей место между Берией и Меркуловым с одной стороны и Берлингом с другой, (полковников Евстахия Горчинского, Леона Букоемского и Леона Тыжинского) будущий главнокомандующий польской армии в СССР потребовал, чтобы в создаваемую армию могли вступать все поляки, вне зависимости от их политических взглядов, добавив при этом: «Для этой армии у нас имеются замечательные кадры в лагерях Козельска и Старобельска».

И тут Меркулов не сдержался: «Нет, эти — нет. По отношению к ним мы допустили большую ошибку».

Отстраненный от командования так называемой польской армией еще в сентябре 1944 года, генерал Зигмунт Берлинг последующие 36 лет посвятил воспоминаниям о своей роли в формировании этой армии. Он опубликовал даже отрывки из своих мемуаров, но никогда ни словом не обмолвился о судьбе своих товарищей по оружию из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей. В последний период своей жизни он отдавал себе отчет в том, что с его смертью исчезнет важный раздел истории уничтожения польских офицеров в СССР в 1940 году. И если публикация фактов, известных ему на основании личного опыта и общения с советскими офицерами, была невозможна в Польше, его прямым долгом было передать эту информацию на Запад. К сожалению, Зигмунт Берлинг ничего подобного не сделал. Он умер с совестью,

отягощенной не только изменой чести польского мундира (вступив в чужую армию без согласия на то правительства в изгнании, он принял генеральское звание не от польских властей), но и, прежде всего, виной в умалчивании правды об обстоятельствах преступления, жертвами которого были его товарищи по оружию.

Расследование и политика

22 июня 1941 года Гитлер напал на Советский Союз, начав войну со своим вернейшим союзником и поправ тем самым пакт о ненападении. Война эта коренным образом изменила к худшему шансы на успех польского дела, так как обе англосаксонские державы (сначала Великобритания, а потом и США) вступили в союз с СССР. Тем не менее такой поворот истории позволил предпринять шаги, направленные на освобождение из советских лагерей, тюрем и ссылок хотя бы части поляков. 30 июля генерал Сикорский подписал с советским послом Майским договор о сотрудничестве, «аннулирующий» (как это выяснилось позднее, только на словах) пакт Риббентропа-Молотова и дарующий полякам в СССР «амнистию». Опрометчиво принятая Сикорским именно такая формулировка договора вызвала негодование польской общественности и поставила в оппозицию к правительству в изгнании все те политические силы, которые считали, что термин «амнистия» приведет к зачислению польского населения в СССР в преступники, которым «даруется отпущение грехов». Был также заключен договор о создании на территории СССР польской армии. 4 августа генерал Владислав Андерс был освобожден из Лубянской тюрьмы и тотчас же приступил к формированию польских соединений из находившихся в заключении польских солдат и офицеров.

Очень скоро всплыл вопрос о 14 тысячах польских военнопленных из лагерей Козельска, Старобельска и Осташкова. Преодолевая препятствия, чинимые советскими властями, в армию генерала Андерса со всех сторон страны стали стекаться поляки, в том числе офицеры, освобожденные из лагеря в Грязовце, где кроме 400 уцелевших в 1940 году находилась большая группа офицеров,

интернированных в Литве, которые после захвата этой страны Советским Союзом в середине 1940 года также попали в Козельск, уже пустующий. На службу в армию Андерса не явился, однако, ни один офицер из трех лагерей. Бывший узник Старобельска ротмистр Юзеф Чапский получил приказ организовать приемный пункт для прибывающих в армию. Вскоре его главным заданием стало выяснение судьбы пленных Козельска, Старобельска и Осташкова. Никто о них ничего не знал. На основании показаний уцелевших были составлены списки с четырьмя тысячами имен польских офицеров, «без вести пропавших в СССР». Списки эти были представлены советским властям. В течение года, однако, ответа не последовало. Возникли предположения, что военнопленные содержатся где-то на Дальнем Севере, где их используют как рабочую силу и поэтому-то местные власти не спешат с их освобождением. Поползли слухи о пребывании польских военнопленных на Колыме и даже на Земле Франца-Иосифа. Осенью 1941 года советские власти настойчиво продолжали утверждать, что все польские пленные освобождены и ни в одном лагере их нет. Некоторым образом это соответствовало действительности: *живых* польских офицеров уже не было ни в одном лагере. Польские же власти не могли досчитаться 10 тысяч офицеров. Было просто невероятно, что из такого большого числа людей ни один не явился на польские приемные пункты.

И удивительно: польскому посольству в Москве и командованию армией не пришло в голову, что этих людей уже нет в живых, а следовательно, никакого ответа от советского правительства ожидать не следует. И все же слухи о массовом истреблении польских офицеров стали просачиваться, правда, в несколько искаженной советскими органами версии. Рассказывали о какой-то довольно большой группе офицеров, потопленных якобы на старых судах то ли в Белом море, то ли в Северном Ледовитом океане. Эту группу позднее стали связывать с пленными из лагеря в Осташкове. Конечно, ничего подобного не было, но это способствовало направлению поисков по ложному пути. Надежда найти хоть кого-нибудь не угасала. Все это не могло не повлиять на дальнейшее развитие польско-советских отношений и ставило под угрозу сам договор Сикорский-Майский.

Один факт особенно важен. В течение всего 1941 года никто из членов советского правительства, не исключая и Сталина, ни словом не обмолвился о том, что польские военнопленные трех лагерей могли попасть в руки немцев во время летнего наступления Вермахта в 1941 году. Об этом не было и речи. А ведь судьбой этих людей в течение многих месяцев занимались различные инстанции НКВД, в Москве находились тысячи личных дел польских военнопленных. Впрочем, было бы нелепо утверждать, что в ходе немецкого наступления польские пленные были предоставлены собственной судьбе, так как было хорошо известно: отступая, части НКВД либо истребляли заключенных, либо гнали их на восток. Никто не поверил бы, что немцам был сделан такой «подарок» — несколько тысяч человек, которыми столь основательно занимался НКВД.

Во время аудиенции у Сталина (в присутствии Молотова) 3 декабря 1941 г. Сикорский и Андерс затронули этот вопрос. Советский диктатор повторил «старую песню», что де в советских лагерях не осталось ни одного польского военнопленного. На вопрос об их судьбе последовал ответ, который, если бы не трагические обстоятельства, можно было бы считать просто смешным: «Убежали». Куда/ «Может, в Маньчжурию.» В Маньчжурию из-под Смоленска и Харькова! Не стоит даже смотреть на карту, чтобы понять абсурдность подобного предположения.

Сталин, однако, сообразил, что шила в мешке не утаишь. И когда 18 марта 1942 года генерал Владислав Андерс и полковник Леопольд Окулицкий снова спросили Сталина о судьбе польских офицеров, последовал неопределенный ответ: «Может быть, они находятся на территории, занятой немцами...» И тут же Сталин вернулся к прежнему утверждению: «Все они уже освобождены».

В апреле 1942 года в польском приемном пункте в Кирове появился профессор Станислав Свяневич, который, несмотря на «амнистию», продолжал отбывать в Коми АССР свой восьмилетний срок. Польское посольство в Куйбышеве ходатайствовало об его освобождении из лагеря, а правительство в изгнании неоднократно обращалось по этому поводу к советскому послу в Англии Боголюбову. Благодаря неимоверным усилиям, проф. Свяневичу в конце концов удалось выбраться из Советского

Союза. Его судьба имела огромное значение. Ведь он был единственным уцелевшим! Свяневич дал подробные показания, в которых особенно подчеркнул, что пленных из Козельска вывезли не на восток или север, а на запад, в район Смоленска. Следовало бы незамедлительно поручить разведке Армии Крайовой, оперировавшей на советской территории, оккупированной немцами, тщательное расследование этого дела. Но польское правительство, к сожалению, отнеслось к показаниям Свяневича без должного внимания.

Тем временем приближался момент трагического открытия. На железнодорожных ветках под Смоленском в немецких бригадах в то время иногда работали поляки. От местного населения, крайне несловоохотливого, они узнали, что в катынских лесах, в районе «Косогор», на берегах Днепра, в 15-ти км. на запад от Смоленска, несколько лет назад расстреливали поляков. На этом месте зазеленела сосновая поросль. Раскопали какой-то холмик и обнаружили останки человека в польском мундире. Могилу зарыли и поставили на ней крест. Наступила зима 1942-43 года и приостановила дальнейшие поиски.

Немецкие власти Смоленска, уведомленные о каких-то могилах в катынских лесах, вначале не придали этому никакого значения. Только в марте-апреле 1943 года начались в этих лесах усиленные поиски. И тогда-то разразился скандал, потрясший мир.

До революции 1917 года катынскими лесами владели две польские семьи — Ледницкие и Козлинские. После революции леса перешли в ведомство ГПУ-НКВД. По утверждению местных жителей, в этих лесах совершались массовые убийства еще в 1918 году. В 1931 году леса эти были окружены специальной оградой и вход в них был строго воспрещен. Тогда же, очевидно, в лесу построили дом отдыха, предназначенный только для служащих НКВД. Во время эксгумации 1943 года на участке «Косогор» в Катыни обнаружили тела русских и в гражданской одежде, и в военной форме образцов 15-летней давности. Следовательно, людей расстреливали тут и около 1928 года. Были обнаружены останки советских граждан, погибших здесь 10 лет назад, т.е. в 1933-34 гг., а также останки людей, расстрелянных пятью-семью годами

раньше (1936-1938 гг.). В братских могилах лежали также трупы женщин.

Группа немецких экспертов во главе с профессором Герхардом Бухтцом приступила к эксгумации в самом начале апреля. После войны стало известно, что проф. Бухтц был крупным специалистом в области судебной медицины и пользовался репутацией честного человека, не имевшего ничего общего с фашистами. К сожалению, год спустя (1944) он погиб во время бомбежки; таким образом исследователи Катынского дела потеряли очень ценного свидетеля.

Хотя не все могилы были раскопаны сразу, следует отметить, что в «Косогорах», неподалеку от дома отдыха НКВД, обнаружилось в общей сложности восемь братских могил польских офицеров. Землю покрывали молодые сосенки и березки. Специалисты установили, что эти деревца были посажены три года тому назад. Под этими сосенками была погребена ужасная тайна.

Немцы знали, что поляки разыскивают более 10 тысяч пропавших без вести военнопленных, и, когда были найдены тела польских офицеров, убитых выстрелами в затылок, зачастую связанных, иногда добитых советскими четырехугольными штыками, они поняли пропагандистское значение своего открытия. 10 апреля 1943 года в Варшаве и Кракове немцы собрали группу польских общественных деятелей и интеллектуалов и отправили ее в Катынь. После своего возвращения в Варшаву члены этой группы дали отчет о виденном представителям польского правительства в изгнании и руководству Армии Крайовой. Немцы не лгали: следы преступления вели к НКВД.

13 апреля 1943 года берлинское радио информировало весь мир о катынской находке. Была названа цифра 10-12 тысяч, и в дальнейшем немцы строго придерживались этих данных. Немцы предполагали, что в этой местности находятся могилы польских пленных из всех трех лагерей. В таком случае число было явно занижено, поскольку жертвы трех лагерей составляли около 14 тысяч военнопленных.

15 апреля московское радио выступило со своей версией, обвинив в злодеянии Берлин. Согласно московскому радио, польские военнопленные принимали участие в строительных работах под Смоленском и во время

летнего наступления немцев (1941 г.) попали в плен. Поляки были перебиты, а теперь фашисты пытаются свалить свою вину на советское правительство, известное своей гуманностью. Заявление московского радио обходило стороной вопрос о том, на каком основании польские офицеры использовались на принудительных работах. Но это уже не имело принципиального значения.

Сообщения из Варшавы о достоверности немецкой версии и сведения о всеобщем негодовании в рядах польской армии в СССР, которая наконец-то поняла причину двухлетнего молчания на запросы о судьбе пленных, — все это побудило польское правительство в Лондоне 15 апреля принять решение об обращении с петицией о расследовании катынского злодеяния в Международный Красный Крест в Женеве.

17 апреля 1943 года польский представитель в Женеве вручил Международному Красному Кресту просьбу своего правительства. Оказалось, что немцы его уже опередили: 16 апреля они попросили МКК выслать в район преступлений своих представителей.

Требование немецкой стороны о созыве Международной комиссии, состоящей из экспертов из нейтральных стран, само по себе уже являлось свидетельством того, что немцам нечего было скрывать, а наоборот — они были заинтересованы в раскрытии всей правды, которую могли использовать в пропагандистских целях. Если бы советское правительство считало себя невиновным, оно само бы потребовало вмешательства МКК, так как разоблачение очередной немецкой пропагандистской шумихи скомпрометировало бы Третий Рейх. 20 апреля польское правительство в изгнании обратилось к советским властям с нотой, в которой требовало более точного определения советской позиции и всевозможных дополнительных данных. Ответа со стороны Москвы не последовало. В свою очередь 21 апреля советская сторона обвинила польское правительство в изгнании в сотрудничестве с Гитлером против союзников. 25 апреля Международный Красный Крест отклонил польское ходатайство о направлении в Катынь международной комиссии на том основании, что СССР протестует против одинаково сформулированных требований по этому вопросу Польши и Германии. 26 апреля 1943 года СССР порвал дипломатические отношения с

польским правительством в изгнании, мотивируя это — ни много, ни мало — сотрудничеством Польши с гитлеровской Германией.

Тем временем в Варшаве газета «Новы курьер варшавски» (а также другие печатные органы, издаваемые оккупационными властями по-польски) уже 14 апреля сообщили об обнаружении в катынском лесу могил и в последующие дни стали печатать списки с фамилиями опознанных останков. Как ни странно, несмотря на полное совпадение немецких данных с информацией, которой располагали семьи погибших в Козельске, многие поляки не поверили немецким сообщениям. Распространялись слухи, что немцам удалось раздобыть в СССР значительное количество документов польских военнопленных и, приписав их к найденным останкам, они пытаются сфабриковать дело, обвиняющее органы НКВД в убийстве польских офицеров.

27 апреля 1943 года Польский Красный Крест (ПКК) направил в Катынь специалиста в области судебной медицины д-ра Мариана Водинского из Кракова, члена Союза вооруженного сопротивления и Армии Крайовой, вместе с двумя помощниками-прозекторами. Др. Водинский прибыл в Катынь 29 апреля вместе с так называемой Технической комиссией ПКК, в составе 9-ти человек, большинство которых было тесно связано с польским Сопротивлением (АК). Комиссия должна была произвести эксгумацию и идентификацию останков при содействии немецкой комиссии, возглавляемой проф. Бухтцом.

Все показания членов польской комиссии свидетельствуют, что немецкая сторона предоставила им большую свободу исследований и выводов, не оказывая на них никакого давления (кроме спорного вопроса о числе убитых, о чем ниже). Комиссия ПКК работала в Катыни пять недель, т.е. с 29 апреля по 3 июня 1943 года. Из-за жары и приближающегося советского фронта работы по эксгумации пришлось приостановить. 7 июня были засыпаны последние могилы. 10 июня 1943 года немцы обнародовали детальное правительственное сообщение, содержание которого почти полностью совпадало с предположениями комиссии ПКК. В частности, в немецком сообщении говорилось, что убийства в Катыни совершались при помощи немецких патронов фирмы «Геншов» калибр 7,65.

Такого рода боеприпасы экспортировались в СССР, Польшу и прибалтийские страны в конце 20-х годов.

В связи с отказом Международного Красного Креста Германия пригласила в Катынь комиссию, состоящую из экспертов по судебной медицине из стран, дружественных Германии, и из ряда нейтральных стран. В состав комиссии вошли следующие ученые: д-р Спеллерс (Бельгия), проф. Марков (Болгария), д-р Трамсен (Дания, член датского Сопротивления), проф. Саксен (Финляндия), проф. Милославич (Хорватия; он родился в США, война захватила его в Югославии), проф. Пальмери (Италия), проф. Гаек (Чехословакия), проф. Навилле (Швейцария), проф. Сюбик (Словакия), проф. Орсос (Венгрия), а также д-р Костеодат (Франция) в качестве наблюдателя. Не успели приехать вовремя и принять участие в работах комиссии эксперты из Испании, Португалии и Турции. Немецкое правительство пригласило также представителя польского правительства в Лондоне, гарантируя ему полную безопасность. Однако страх оказался сильнее, и польский представитель не воспользовался этим приглашением.

Комиссия работала в Катыни с 28 по 30 апреля 1943 года. Основной ее задачей было определить точные сроки погребения трупов, так как именно точные даты были решающим фактором в споре, кого же считать ответственным за катыньские преступления. Если трупы пролежали в земле два года, то виноват, бесспорно, НКВД, если же меньше, то вина возлагается на немцев. Почти все члены комиссии тогда и позднее (исключение следует сделать для проф. Маркова, который после «освобождения» Болгарии Красной Армией отказался от первоначальных показаний) единодушно заявляли, что работа комиссии проходила свободно, без всякого нажима со стороны немцев. Эксперты обследовали 982 трупа (эксгумированных раньше и еще девять, выкопанных ими самими), и подвергли их тщательнейшему анализу (причем выяснилось, что трупы в могилах лежали штабелями в 10-12 слоев и были так спрессованы, что разнимать их пришлось крюками и лопатами). Выводы экспертов были однозначны: трупы пролежали в земле около трех лет. Об этом свидетельствовали многослойные отложения кальция на поверхности глинистой мозговой массы. Такая субстанция

формируется в трупах не раньше трех лет пребывания в земле. Не располагая данными, полученными польскими комиссиями в СССР от 449 уцелевших, которые рассказали о ликвидации лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове в апреле и мае 1940 года, международная комиссия определила срок погребения трупов — весна 1940 года.

Результатом работы польской технической комиссии ПКК явились тысячи вещественных доказательств. Несколькими сотнями жертв остались неопознанными, но в большинстве случаев удалось установить данные погибших. В карманах жертв нашли сотни советских газет, датированных апрелем 1940 года, 3184 документа, последняя дата на которых — 6 мая 1940 г. Естественно, добыть эти документы было задачей не из легких, учитывая, что тела сильно разложились, мумифицировались и склеились. Это была воистину кошмарная работа. Все жертвы были убиты из короткого огнестрельного оружия, как правило, калибра 7,65, обычно одним метким выстрелом в затылок или шею. Некоторые, особенно молодые, были связаны веревками (все веревки, советской продукции, были одинаковой длины, что свидетельствует о тщательно запланированной акции), иногда головы были обмотаны шинелями и обвязаны веревками. На некоторых трупах виднелись следы советских четырехугольных штыков. Интересно отметить, что на трупах были найдены различные мелкие предметы и даже драгоценности. Это указывает на то, что с ликвидацией пленных торопились и даже не успели их ограбить. Как выяснилось позднее, трупы лежали в том же порядке, как этапировали из Козельска отдельные эшелоны. Самый большой интерес из найденных вещей представляли, несомненно, календарики и записные книжки. Хотя чернила почти размылись, записи карандашом сохранились отлично.

Особенно ценной была записная книжка майора Адама Сольского, в которой он записал: «8 апреля. 3:30 отправка со станции Козельск на запад. 9.45 на станции Ельня. 8 апреля 40 г. с 12 часов стоим в Смоленске на запасном пути. 9-го апреля подъем в тюремных вагонах и подготовка на выход. Нас куда-то перевозят на машинах. Что дальше? С рассвета день начинается как-то странно. Перевоз в боксах «ворона» (страшно). Нас привезли куда-то в лес,

похоже на дачное место. Тщательный обыск. Интересовались моим обручальным кольцом, забрали рубли, ремень, перочинный ножик, часы, которые показывали 6.30...» Тут запись обрывается. Очевидно, после 6.30 майор Сольский уже не жил.

Кажется, что пленных по одиночке подводили к краю рва, удерживая с двух сторон, более сильных и сопротивляющихся связывали веревками. Затем — выстрел опытного стрелка-палача. Труп сбрасывали в ров, прямо на тела убитых раньше. Иногда находили трупы офицеров, накрепко связанных и заживо уложенных в ров, их приканчивали выстрелами сверху.

В 1943 году и позднее возникал вопрос, кто копал могилы. Существовали предположения, что они выкопаны руками будущих жертв. Однако это кажется маловероятным. Чтобы выкопать большой и глубокий ров, следовало предоставить узникам некоторую свободу движения (нельзя же копать со связанными руками) и хотя бы самые примитивные инструменты, по крайней мере лопаты. Трудно предположить, чтобы люди, видя свою неминуемую смерть, в основном молодые и сильные мужчины, не воспользовались случаем и не бросились на конвой. Не надо забывать, что пленные находились в неплохом психическом состоянии, не были истощены многодневным ожиданием смерти, они готовились перейти в другие руки (немецкие или союзнические). Предполагаемая расправа не должна была парализовать их волю к сопротивлению, к желанию умереть в бою, а не от руки палача. Только советские архивы смогут когда-нибудь рассказать нам, как происходило убийство польских военнопленных.

Останки, эксгумированные и обследованные, опускали вместе с прикрепленной к ним биркой назад в братские могилы. И если советские власти не осквернили катынское кладбище, то эти бирки позволят когда-нибудь еще раз произвести идентификацию останков.

Из катынских могил вырыли в сумме 4143 трупа. Из последней, восьмой, могилы (в которой лежали офицеры, убитые в мае 1940 года, о чем свидетельствует летняя форма одежды) не удалось вынуть всех, так как работу пришлось прервать. Оставалось в ней, однако, не более 200 трупов. Всего в катынских лесах обнаружено около 4400 жертв.

Это явно неполное число взволновало немцев. Любой ценой они хотели разыскать в окрестности «Косогор» остальные могилы, чтобы подтвердить свои заявления о 10-12 тысячах погибших. Они пытались оказать сильное давление на комиссию ПКК, чтобы последняя согласилась с этими их «данными». В конце концов были объявлены именные списки погибших, составившие неполные три тысячи человек, с приложением около тысячи неизвестных.

Уже в 1943 году стало ясно, что военнопленных из Старобельска и Осташкова расстреливали в других местах. Теперь можно предположить, что пленные из Осташковского лагеря были расстреляны где-то в районе станции Бологое, а офицеры из Старобельска — под Харьковом, скорее всего в дачной местности Дергачи.

Поскольку Катынь задолго до 1940 года стала местом казни заключенных из окрестностей Смоленска, по аналогии можно предположить, что экзекуции пленных из Старобельска и Осташкова проводились в подобных «проверенных» местах. Было известно, что харьковские Дергачи тоже были местом частых расстрелов, и именно туда ведут многие улики «Катыни №2». Хотя немцы были в Харькове недолго, все же они приступили к поискам братских могил польских офицеров, но не дошли до эксгумации. В январе 1980 года Антон Т. Рекульский в брошюре «Вторая Катынь?» выдвинул гипотезу, что пленные из Старобельска были расстреляны неподалеку от лагеря, в районе, где много лет спустя, в 1977 году, бригады польских рабочих прокладывали трубопровод. В народе еще была жива память о расстрелянных когда-то польских офицерах. Состоятельность этой гипотезы подтверждается отсутствием железнодорожной транспортировки заключенных. Не исключено, что к месту казни им надо было пройти пешком всего лишь несколько километров. Однако довод о «Старобельской Катыни» вблизи лагеря кажется не очень убедительным и не опровергает прежних предположений, что экзекуция проводилась все-таки в Дергачах. Судьбы Осташковских этапов обрываются на станции Бологое (линия Ленинград-Москва). Где-то там, очевидно, недалеко от места разгрузки, и проводились расстрелы («Катынь №3»).

Катынское дело было, конечно, максимально испол-

зовано немецкой пропагандой: в Катынь привозили даже экскурсии из центральной Польши и польских офицеров из немецких лагерей. В середине мая 1943 года в Катынь привезли несколько английских и американских офицеров, недавно попавших в немецкий плен. Среди них был полковник американской армии Джон Ван-Влиет. Насильственно привезенный в Катынь, он был убежден, что станет участником примитивного пропагандного фарса. Однако он покинул Катынь глубоко убежденным в вине Советского Союза. Отчет Ван-Влиета, о котором речь пойдет ниже, имел свою особую историю.

Все, побывавшие на территории катынской эксгумации, отдавали должное той свободе, которую немцы предоставляли для ознакомления с местом преступления и вещественными доказательствами. Немцы давали также возможность встретиться с местными жителями, которые в 1940-м году были свидетелями транспортировки пленных в катынский лес. Особенную ценность представляли показания двух жителей. Одним из них был 73-летний колхозник Парфений Киселев (1870 г.р.), который первый указал немцам место расстрелов. Он охотно делился с журналистами из оккупированной Польши и нейтральных стран виденным и слышанным. Вероятно, он рассчитывал на то, что советская власть больше сюда никогда не вернется. В конце 1943 года этот несчастный человек оказался в лапах НКВД. Больше его никто не видел, только печатались его обширные опровержения всех показаний, данных им раньше. Можно только предполагать, как оборвалась жизнь этого старика (вероятно, в начале 1944 года). Вторым активным свидетелем был местный кузнец Иван Кровожерцев (1915-1947). Он понимал, что его ожидает, и, когда немцы начали отступать, сам двинулся на Запад. Добрался до Германии и пережил войну, как сотни тысяч других русских, которые в гитлеровском нашествии 1941 года видели возможность освобождения от сталинской тирании (многие из них погибли потом в СССР после выдачи их Советскому Союзу Америкой и Англией в 1945 году). В мае 1945 года Кровожерцев вошел в контакт с американцами и выразил готовность дать исчерпывающие показания о катынском преступлении. В ответ он услышал, что этот вопрос подлежит компетенции советских властей и что его готовы передать соответствующим советским

органам для дачи показаний по этому вопросу. Ошеломленному Кровожержцеву удалось сбежать и после долгих мытарств найти, наконец, в Германии польскую воинскую часть. Его перебросили в расположение 11-го корпуса в Италии, где он под присягой дал показания, которые и поныне являются самым ценным документом Катынского дела. После войны он поселился в Англии, укрывшись под именем Михаил Лобода. Его конспирация оказалась недостаточной. Советской разведке удалось напасть на его след. В октябре 1947 года его нашли повешенным в каком-то здании пригорода Лондона. Английская полиция поспешно заявила о самоубийстве, и следствие было закрыто.

Расследование 1943 года показало, что убийство польских офицеров осуществлялось не подразделениями местного НКВД из Смоленска, а частями НКВД из более отдаленного Минска. На основании этих данных можно выдвинуть кое-какие гипотезы. В начале 1938 года в СССР существовало несколько тайных антисталинских радиостанций, из которых одна вещала в Белоруссии. Радиолокаторы запеленговали ее под Минском, в сторожке лесника. Когда войска НКВД окружили сторожку, люди, находившиеся в ней, оказали сопротивление и все погибли в бою. В сторожке была обнаружена мощная радиостанция (ЗКВ), обслуживаемая высшими чинами минского ГПУ (НКВД), причем среди убитых был комиссар ГПУ Самуил Рубинштейн (Рейтер, 29 июня 1938 г.; см. «Новая Речь Посполитая» 21 июня 1938 г.). Выяснилось, что минский НКВД был центром антисталинской конспирации. Отсюда, конечно, следовало, что все минское НКВД подлежало ликвидации. Последним заданием минских энкаведистов, скорее всего, и было уничтожение польских офицеров в Катыни, после чего их всех ожидала неминуемая гибель. Мы не располагаем данными, какие именно части НКВД принимали участие в убийстве польских пленных из Старобельска и Осташкова, но можем предположить, что последующая судьба палачей не отличалась от судьбы их жертв.

Преступление и политика

Весть о катынском преступлении глубокого потрясла поляков и вызвала серьезную озабоченность правительств Великобритании и США. И Лондон, и Вашингтон ни минуты не сомневались в правдивости немецкого сообщения. События последних лет в СССР еще свежи были в памяти. Правительства обеих держав быстро собрали собственную документацию, но решили сохранить ее в тайне. 30 апреля 1943 года офицер связи между США и польской армией на Ближнем Востоке, полковник Генрих Шиманский, направил в Вашингтон обстоятельно документированный рапорт, возлагающий вину за катынские расстрелы на Советский Союз. В то время в самые высокие круги вашингтонской администрации проникли многочисленные советские агенты. Они-то и постарались приостановить дальнейшую обработку информации и заставить официально принять советскую версию. 24 мая 1943 года посол Англии при польском правительстве в изгнании, сэр Оуэн О'Маллей, направил своему правительству подробный рапорт, в котором, тщательно проанализировав Катынское дело, пришел к выводу: не подлежит сомнению — за катынские злодеяния ответственна Москва, а не фашистская Германия. И этот документ был засекречен: о нем не проинформировали ни британский парламент, ни тогдашний Совет Министров. Точно такая же судьба постигла очередной рапорт по этому делу от 11 февраля 1944 года, в котором ставились под сомнение результаты «советских исследований» в Катыни. По иронии судьбы, рапорт О'Маллея был опубликован английским историком Луи Фитцгиббоном лишь в 1972 году.

Отношение правительств США и Великобритании к Польше в этом вопросе можно назвать нелояльным, а вернее — позорным. Вашингтонская администрация, используя всевозможные уловки, постаралась ввести в заблуждение американское общественное мнение. Для этой цели использовалась превентивная цензура военного времени, отсеивавшая правдивую информацию и дававшая ход только той, которая возлагала вину на немцев. Сама атмосфера того времени питала такую дезинформацию. Мир был уже в достаточной степени подавлен масштабами гитлеровских преступлений, и приписать им еще одно

злodeяние не представляло большого труда. Поведение англичан и американцев в этом вопросе было именно таким. 4 мая 1943 года Антони Иден выступил в Палате общин с циничным заявлением, в котором демонстративно пренебрег гибелью каких-то поляков, подчеркнув при этом необходимость укрепления «единства союзников».

Это стремление к «сплоченности рядов» союзников предредило их циничное отношение к проблеме Катыни. По необъяснимым причинам, а скорее всего благодаря умелой тактике советской агентуры на Западе, в правительственных кругах США и Великобритании возникла тенденция любой ценой снискать расположение Сталина к союзникам, ибо они боялись, что в противном случае СССР заключит сепаратный мир с Германией, оставляя Запад один на один с Вермахтом и Японией. Вашингтон в это время придерживался доктрины «дешевой войны с Гитлером» (победа над фашизмом минимальными силами и затратами), и поэтому ему приходилось считаться с такой возможностью. Даже если бы вероятность этого действительно существовала, а не была придумана советской разведкой, отношение союзников к катынскому вопросу в 1943-44 годах следует расценивать как прагматично-оппортунистское с политической точки зрения и возмутительное — с моральной. Вся эта политика базировалась на каком-то чудовищном недоразумении.

Политика геноцида, уже два года проводимая Гитлером по отношению к советскому мирному населению, перечеркнула возможность мирных переговоров. К тому же победа Советского Союза во многом зависела от помощи Запада. Поражение немцев под Сталинградом как раз давало союзникам возможность в любую минуту заключить сепаратный мир, со значительными уступками со стороны Гитлера. Странно, что ни Рузвельт, ни Черчилль не понимали этого и постоянно опасались, что СССР без них заключит сепаратный мир.

Политику Рузвельта в катынском вопросе с исторической перспективы нужно квалифицировать как моральное соучастие в преступлении (согласно американским законам, его действия подпадают под определение так называемого «соучастия постфактум»). Рузвельт слишком доверял своим советникам, а те, в свою очередь, находились под влиянием советской агентуры. Так, напри-

мер, советники американского президента в ходе Ялтинской конференции убеждали его, что в борьбе с Японией помощь Советского Союза необходима, полностью игнорируя значения термоядерного оружия, которым Соединенные Штаты должны были овладеть к середине 1945 года. Отношение Рузвельта к вопросу о военнопленных красноречиво характеризуется его встречей в Вашингтоне со Станиславом Миколайчиком в 1944 году. Во время их беседы выяснилось, что на Тегеранской конференции, в декабре 1943 года, Сталин говорил о своих планах уничтожения 50 тысяч пленных немецких офицеров, против чего Рузвельт не очень возражал, и только Черчилль запротестовал. «Десятикратная Катынь» не была осуществлена, но сама мысль о ней говорит о многом.

И в 1943-44 годах, и в начале 1945 года существовала реальная возможность заставить Германию капитулировать перед западными союзниками, но Рузвельт, подстрекаемый Сталиным, упорно настаивал на безоговорочной всеобщей капитуляции и полном разгроме Вермахта, с чем Черчилль не мог не соглашаться.

Начиная с 1943 года Катынское дело определило дальнейшие отношения Польши и СССР, чего никак не могли или не хотели понять западные союзники. Доказательством тому служат мемуары Уинстона Черчилля, опубликованные после войны.

В конце апреля 1943 года генерал Сикорский представил премьеру Великобритании «Дело Катыни». «Он (Сикорский) заявил мне, что располагает доказательствами убийства по заданию советских властей 14500 офицеров и других польских пленных. ... Они мертвы, — ответил я ему, — пишет Черчилль, — и что бы вы не предпринимали, их уже ничто не воскресит.»

Робкий и покорный союзникам, генерал Сикорский даже не решился на вопрос: «Говорили бы вы то же самое, если бы речь шла о тысячах расстрелянных английских офицеров?»

Британские власти в деле Катыни вели свою коварную политику. Английская военная цензура запрещала польским газетам и журналам публиковать любую информацию, в которой виновники катынской трагедии назывались по имени. Открыто писать об этом стало возможно только после отмены военной цензуры в 1945 году. Как всегда,

польское правительство в изгнании в этом деле (как и в других вопросах относительно независимости Польши) проявило полную беспомощность и не воспользовалось даже нейтральными странами, чтобы оттуда распространять столь необходимую правдивую информацию и предупреждать страну о грозящей ей советской опасности.

В декабре 1943 года Катынь вновь оказалась в советских руках. Правительство СССР немедленно созвало свою собственную специальную комиссию с целью разработать документацию, убедительно доказывающую вину немцев. Ситуация для этого в тот момент была особенно благоприятной. Мировую общественность потрясали все новые сообщения о фашистских преступлениях, а в Америке, при поддержке правительства, пресса и радио развернули широкую просоветскую кампанию. Никто тогда не осмеливался сравнивать сталинизм с гитлеризмом, наоборот, утверждалось, что в Советском Союзе при Сталине — своеобразная демократия. Информация 1936-1939 годов старательно замалчивалась.

Советскую комиссию из восьми советских граждан возглавлял академик Н.Н. Бурденко. В работе ее не принимал участие не только ни один иностранец, но не были приглашены и поляки, хотя бы из так называемого «Союза польских патриотов». Отдельная медицинская комиссия в составе шести врачей должна была подписать протокол. Сам состав этих двух комиссий недвусмысленно указывал на виновника злодеяний. Если бы вина немцев была доказуема, Советский Союз (в этом можно не сомневаться) незамедлительно привлек бы к работе в медицинской комиссии и американских, и английских экспертов, не говоря уже о представителях нейтральных стран.

Советская комиссия работала в Катыни, вероятно, с 16 по 23 января 1944 года (даты проверить невозможно). Спрашивается, каким образом, в разгар зимы, когда земля скована морозами, можно было вести какие-либо работы по эксгумации? Об этом советское сообщение от 24 января 1944 года молчит. Советское коммюнике информировало, что на территории Катыни находится 11000 убитых поляков, которые летом 1941 года содержались в трех лагерях, названных 1-ОН, 2-ОН, 3-ОН, и во время отступления Красной Армии все попали в руки немцев, а те

тут же их перебили. Сначала за дату преступления был принят август 1941 года, потом срок перенесли на сентябрь-октябрь 1941 года. О самих трех лагерях ничего не говорилось, даже неизвестно, где они находились, был упомянут только район в 25 или 40 км. на запад от Смоленска.

Совершенно очевидно, почему советское правительство приняло немецкое число — 11000. Подразумевалось, что пленные Старобельска и Осташкова также находятся в числе погибших в Катыни, и тем самым пресекались все дальнейшие домыслы относительно их судьбы.

В советском заявлении говорилось, что расстрел польских военнопленных был произведен специальным немецким подразделением, неким «рабочим батальоном №537», под командованием обер-лейтенанта Арнста. Действительно, в годы войны *отдел связи* под таким же номером был дислоцирован в районе Катыни. Командовал частью подполковник Арнст. Согласно советской версии, в 1943 году немцы вдруг вспомнили о своих преступлениях и решили использовать их в целях антисоветской пропаганды. Они якобы согнали в Катынский лес группу советских военнопленных в 500 человек и приказали им выкопать тела убитых. Затем произвели тщательный обыск всех тел, вынули из карманов одежды все документы, датированные позднее мая 1940 года, и взамен вложили сотни экземпляров чудом раздобытых советских газет от апреля 1940 года. Могилы снова засыпали, а советских военнопленных расстреляли (советская комиссия почему-то не заинтересовалась местом захоронения своих соотечественников). О растущих на могилах соснах, пересаженных сюда три года тому назад, советское сообщение вообще умолчало. Потом гитлеровцы стали привозить в Катынь медицинские комиссии и водить экскурсии, нагло приписывая преступления чистой, как слеза, советской власти.

Главный советский аргумент состоял в следующем: всем хорошо известно, что демократическое и гуманное правительство в СССР вообще не в состоянии совершить никакого преступления, немцы же способны на все! И только поборники фашизма могут думать иначе! Советское сообщение сопровождалось показаниями свидетелей (которых вообще никто не видел), утверждавших, что они собственными глазами видели польских пленных под

Смоленском летом 1941 года, но немцы принудили их давать другие показания. Вся суть аргументации советского коммунистического сводится к дате: не весна 1940 года, а 1941 год, лето, осень или зима. В Смоленске демонстрировались документы (девять предметов), якобы найденные на только что эксгумированных останках. Это были почтовые открытки, отправленные после мая 1940 года, и несколько квитанций с дополнительными штампами 1941 года. Ни один из этих документов, однако, не имел никакого отношения к жертвам Катыни, опознанным в 1943 году.

Советское заявление утверждало, что с 16 по 23 января 1944 года в Катыни дополнительно эксгумировали 925 тел поляков, необследованных в 1943 году. Результаты последних исследований стали основой заключения советской медицинской комиссии. Нам предлагается поверить на слово, что эти останки действительно откопали и обследовали, поскольку советские органы никогда не публиковали списков с фамилиями, равно как никогда не пытались объяснить, почему шесть тысяч немецких жертв не были эксгумированы и опознаны, если общая цифра составила почти 11 тысяч человек. Трудно понять, откуда взялись эти 925 новых жертв. Советские врачи демонстрировали западным дипломатам и журналистам эти катынские останки, подчеркивая, что они пролежали в земле около двух лет. И тут один факт заслуживает особого внимания: журналисты и дипломаты, которые побывали в Катыни в январе 1944 года, в один голос утверждали, что останки поляков были не в офицерской форме, а в солдатской. Для англичан и американцев это имело второстепенное значение, но с исторической точки зрения эта деталь объясняет суть проблемы. Скорее всего, эти 925 жертв Катыни не имели ничего общего с расстрелянными тут в 1940 году польскими офицерами. Возможно, что этих людей расстреляли летом 1941 года, может — в июле, при отступлении советских войск. Можно даже допустить, что это были останки группы поляков, работавших на смоленских дорогах до начала войны. Территория Катынского леса огромна, «Косогоры» же занимают только ее незначительную часть. Зарубежные гости точно не знали, побывали ли они в «Косогорах» или другой части леса. Немцы тщательно обследовали территорию «Косогор», они не успели эксгумировать только 200 тел убитых офицеров, а

этой цифре далеко до 925. Интересно, что советские органы хорошо знали, где в этом районе нужно искать тела убитых летом 1941 года. Советские «открытия» в январе 1944 года вносят в Катынское дело еще одну зловещую тайну.

Только трагизм всех обстоятельств не разрешает назвать советское сообщение от января 1944 года смехотворным. Короче говоря, было сфабриковано советское заключение и скреплено аргументами и документацией, проверить которые не представлялось возможным. СССР правильно рассчитал, что международное положение в начале 1944 года предотвратит любую попытку опровержения их заключения.

Как уже было сказано выше, Катынь посетила группа английских и американских журналистов, к которой посольство США в Москве подключило двух своих делегатов. Одним из них был Джон Мельби, третий секретарь посольства, вторым — 25-летняя Катлин Гарриман, дочь тогдашнего американского посла. Им показывали трупы, при них производилось вскрытие с целью доказать, что все эти останки пролежали в земле всего два года (что по отношению к демонстрируемым телам могло быть и правдой). Тогда-то именно зарубежные журналисты подметили отсутствие жертв в офицерских мундирах. Возникавшие вопросы свидетельствовали о большом недоверии западных журналистов. Все их репортажи, посылаемые в Англию и Америку, подвергались строжайшей цензуре, вычеркивавшей любую фразу, отличную от советской версии или хотя бы ставящую эту версию под сомнение. Околпачить Катлин Гарриман, однако, удалось: Она с советского голоса написала рапорт, обвиняющий во всем Германию. Несколько лет спустя, в 1952 году, госпожа Катлин Мортимер-Гарриман наконец-то призналась, что писала под диктовку советских специалистов. К сожалению, отчет 25-летней девушки больше всего пришелся по вкусу вашингтонской администрации. Готовясь в 1945 году к поездке в Польшу, американский посол Артур Блисс Лейн попросил Государственный департамент проинформировать его о катынском деле. Из всей обширной, засекреченной документации его ознакомили только со злополучным отчетом Катлин Гарриман.

В Катыни побывали и представители советской

Польской армии, во главе с генералом Берлингом. И они тоже оправдали оказанное им советскими властями доверие. Они выступили в советской и польской печати со лживыми заявлениями, которые по сей день остаются на их совести.

На катынском кладбище ныне воздвигнут небольшой памятник, скорее — надгробье, со странной эпитафией на польском и русском языках: «Здесь похоронены невольники, офицеры Войска Польского, погибшие в страшных мучениях от руки немецко-фашистских оккупантов осенью 1941 года».

Тем временем фронт все дальше продвигался на запад. Обнаруженные в Катыни документы перевезли в Краков, где в Институте судебной медицины группа во главе с доктором Яном Робелем, судебным экспертом по медицинской химии, приступила к их изучению. Краковская ячейка АК замышляла похитить эти документы, хранившиеся в девяти специальных ящиках. Это ей не удалось. Немцы объявили, что они готовы вернуть найденные документы семьям погибших. Неизвестно, воспользовался ли кто-нибудь из родственников такой возможностью.

В январе 1945 года, когда Советская Армия приближалась к Кракову, катынская документация в 14-ти ящиках была на двух грузовиках отправлена в сторону Вроцлава. Транспортировкой руководил немецкий директор института, доктор Вернер Бек. Сразу же после вступления советских частей в Краков польские органы государственной безопасности арестовали доктора Робеля. За день до окружения Вроцлава советскими войсками доктор Бек отправил документы в сторону Дрездена. В начале мая все ящики оказались на складе железнодорожной станции Радебеуль. Доктор Бек метался между Берлином и Пильзеном и хотел (большая наивность с его стороны) передать ящики с катынской документацией американцам. При приближении Советской Армии к Радебеулю кладовщик сжег все четырнадцать бесценных ящиков. Таким образом навсегда погибли документы, найденные на расстрелянных польских офицерах (уцелели лишь некоторые их фотокопии). Своевременно спасти эту документацию могли только отряды АК, если бы они овладели ею и вывезли за пределы Польши. Не подлежит сомнению:

попади документация к американцам, они, не задумываясь, тут же передали бы ее ... советским властям.

Существует, однако, и другая версия, предложенная Анджеем Корашевским в его статье, опубликованной в 1980 году («Исторические тетради» №5). Согласно этой версии, план похищения документов специальным отрядом АК увенчался успехом, благодаря помощи австрийского историка доктора Пекера, которому в Кракове были подведомственны катынские документы (мы не знаем его служебных отношений с д-ром Вернером Бекон). Удачное похищение якобы имело место в ночь со 2 на 3 сентября 1944 года, в результате чего все ящики с документацией благополучно вывезли из Кракова и спрятали в надежном месте. Судьба их, увы, неизвестна. Говорят, что они и поныне хранятся где-то в Польше. Версия эта не внушает доверия. Трудно допустить, что в течение многих лет можно в тайне хранить четырнадцать ящиков с документами, добытыми из могил и поэтому издававшими резкий трупный запах. Нельзя, однако, исключить, что в 1944 году незначительную часть документации отрядам АК удалось отбить, но следы ее затерялись. Но основная часть трагической документации, и это не подлежит сомнению, безвозвратно погибла в конце войны.

После капитуляции гитлеровской Германии и изоляции польского правительства в изгнании ситуация была явно неблагоприятной для дальнейшего выяснения Катынского дела. В это время в Нюрнберге перед международным судом предстали главные нацистские преступники.

Правительство Советского Союза не преминуло воспользоваться нюрнбергским процессом, чтобы окончательно закрепить вину за катынские злодеяния за Германией. Ситуация была благоприятной, и остается только удивляться, что и американские, и английские, и французские судьи все же устояли перед советским нажимом. Обвинительный акт, зачитанный в Нюрнберге 18 октября 1945 года (пункт 3, параграф С-2) вменил обвиняемым в вину, что в сентябре 1941 года в Катынском лесу, под Смоленском, были расстреляны 11000 польских офицеров. С обвинением по этому пункту 13 и 14 февраля 1946 года выступил советский прокурор Покровский. Интересно, что правительство ПНР вообще не участвовало в обсуждении катынского дела. Польша не выступила с обвинительным актом, не

представила никаких «доказательств». Вопрос Катыни разбирался нюрнбергским трибуналом с 1 по 3 июля 1946 года. Судопроизводство было ограничено до минимума, вызвали только трех свидетелей, в том числе проф. Маркова, бывшего члена международной комиссии, созданной немцами. Проф. Марков поспешил отречься от своих прежних, будто бы данных под немецким давлением показаний. В качестве свидетеля перед трибуналом не выступил ни один из живущих на Западе поляков, не был представлен ни один из многочисленных документов и отчетов, собранных в 1943-1944 годах правительствами США и Англии. Некоторую сенсацию произвело добровольное появление в зале суда полковника Вермахта Арнста, командира «Части №537», того самого, который, согласно советской версии, руководил карательным отрядом, расстреливавшим польских военнопленных. Арнст доказал, что летом 1941 года он вообще не командовал 537 частью (отрядом военной связи), которая действительно находилась некоторое время в районе Катыни.

Нюрнбергский приговор, зачитанный 30 сентября и 1 октября 1946 года, катынские преступления вообще не отметил. Тем самым отпало обвинение нацистских преступников в убийстве в СССР польских офицеров. Самым большим злодеянием против военнопленных в истории второй мировой войны Нюрнбергский трибунал посчитал убийство немцами 55 англичан, которые в марте 1944 года бежали из лагеря военнопленных в Загане. Стоит отметить, что английские военные следственные органы не щадили усилий, чтобы всех виновных в этом убийстве разыскать, арестовать, судить и, наконец, казнить.

Советский представитель на Нюрнбергском процессе, принимавший активное участие в формулировке приговора, не заявил никакого протеста в связи с полным изъятием из него катынского дела. Из этого следует, что Германия по этому пункту обвинения была единогласно оправдана.

С юридической точки зрения это имеет значение первостепенной важности. Катынское преступление имело место. Кто-то расстрелял свыше 14 тысяч польских военнопленных, в том числе 4500 офицеров, найденных в братских могилах Катыни. Если Германия оправдана, значит...?

После войны

Несмотря на бесспорную ответственность СССР за катынские злодеяния, правительства США и Англии в течение нескольких лет прилагали всевозможные усилия, чтобы дело это утаить и предать забвению. Вашингтонская администрация в 1944-1945 годах оказывала давление на своих служащих, кто не мог или не хотел примириться с молчанием американского правительства по этому вопросу. В государственных сейфах США (это установили позднее) была запрятана документация, однозначно указывающая на настоящего преступника. Но истину решили принести в жертву соображениям «высшего государственного порядка».

Офицер американской армии, полковник Джон Х. Ван-Влиет, которого (как мы уже упоминали) немцы возили в мае 1943 года в Катынь для ознакомления с могилами польских офицеров, в мае 1945 года вернулся на родину. Тотчас же он был допрошен в Вашингтоне высшим офицером разведки, генерал-майором Клейтоном Бисселем. Ван-Влиет поделился своими наблюдениями и доказательствами вины Советского Союза. Между прочим во время посещения Катыни он заметил, что обувь погибших офицеров, как правило, была в приличном состоянии, что было бы невозможно, если бы пленные, как утверждали советские власти, проработали многие месяцы на строительных и дорожных работах. Ван-Влиета обязали не разглашать тайну, а сам отчет его был строго засекречен. Когда в 1949 году несколько членов Палаты представителей, поляки по происхождению, хотели ознакомиться с рапортом Ван-Влиета, им было отказано под предлогом опасности разглашения государственной тайны. В апреле 1950 года Ван-Влиета вторично вызвали в Вашингтон, так как оказалось, что его отчет пропал при невыясненных обстоятельствах. Следы вели к известному в вашингтонской администрации советскому агенту Алгеру Хиссу (советнику Рузвельта на Ялтинской конференции). Ван-Влиет еще раз дал показания, которые еще раз ... исчезли в тайных архивах. Только благодаря стараниям члена Палаты представителей Г.А. Дондеро в сентябре 1950 года рапорт Ван-Влиета был, наконец, впервые опубликован.

В то время шла война в Корее (1950-1953), что весьма

способствовало выяснению катынского вопроса: американским офицерам, взятым в Корею в плен, по примеру катынских пленных, угрожала неминуемая смерть.

18 сентября 1951 года Палата представителей США назначила особую комиссию для расследования катынского дела. Комиссия провела многочисленные заседания, заслушала 81 свидетеля (среди них — членов комиссии экспертов 1943 года, профессоров Пальмери, Трамсена, Орсоса, Навилле, Милославича), ознакомилась со 183 документами и изучила свыше 100 письменных показаний. Вся собранная документация вышла отдельным изданием. 22 декабря 1952 года комиссия вынесла свое окончательное заключение, возложив полную ответственность на Советский Союз. В этом заключении комиссия рекомендовала правительству США передать дело в ООН для расследования. Но Вашингтон не посчитал возможным это сделать.

В послевоенной Польше на тему о Катыни несколько лет царило гробовое молчание. В 1945 году варшавское правительство поручило краковскому прокурору Роману Мартини собрать документы касательно катынского дела с установкой инсценировать в Польше что-то вроде «Катынского процесса», чтобы «окончательно доказать» виновность Германии. Мартини собрал свидетельские показания, а также документацию, *безоговорочно подтверждавшие немецкую версию*. Все данные он передал своему начальству в Варшаве. 28 марта 1946 года он был убит в своей квартире 19-летним юношей и 17-летней девушкой, которая предстала перед судом одна, хотя задержаны были оба. Дело старались провести, как «убийство с целью грабежа». Не подлежит сомнению, кто толкнул молодых людей на убийство, кому выводы Мартини показались опасными. Соучастница убийства Мартини, вероятно, и поныне живет в Польше. Она так и не призналась, почему вместе с напарником убила человека, которому поручено было провести расследование катынского дела и который пришел к выводам, противоречившим версии высших властей.

В польской печати после публикации в 1944-45 гг. советского сообщения всячески старались избегать катынской тематики. Не произвели впечатления даже сообщения шведской газеты «Дагенс Ныхетер», которая 19 февраля 1948 года на основании данных, полученных из неназванных

источников, опубликовала, среди прочего, несколько фамилий энкаведистов из минского НКВД, участвовавших в катынских расстрелах. И только результаты работы комиссии Палаты представителей США, переданные радиостанцией «Голос Америки», побудили польскую прессу развернуть огромную пропагандистскую кампанию.

Начинается кампания «протестов» против «американских лживых измышлений», в которой приняли участие даже такие почитаемые ученые, как профессор Леопольд Инфельд. Из печати выходит брошюра журналиста Болеслава Вуйтицкого «Правда о Катыни» (изд. «Читальник», Варшава, 1952, издание второе 1953). В своей книге Вуйтицкий бьет все рекорды журналистской подлости и оппортунизма. Брошюра дословно повторяла положения советского сообщения 1944 года.

Наступил 1956 год, XX съезд КПСС, на котором Никита Хрущев выступил со своим известным тайным докладом о сталинских преступлениях. Дело Катыни вообще не фигурировало в докладе, тем не менее сам факт доклада имел огромное значение. Ведь таким образом отпадал моральный аспект советской аргументации 1944 года. Система, которая могла уничтожить десятки тысяч собственных граждан (в чем признался тогдашний советский лидер), — в состоянии истребить и тысячи польских военнопленных.

На XXII съезде КПСС Хрущев пошел еще дальше в осуждении сталинизма и приоткрыл завесу над другими преступлениями 1936-1953 гг., что в конечном счете ускорило его собственное падение. Уже много лет курсируют слухи, что именно в тот период Хрущев обратился к Владиславу Гомулке с предложением сказать правду о Катыни и возложить вину на Сталина, Берию, Меркулова и других, покойных уже, видных представителей сталинской гвардии. Гомулка решительно отказался, мотивируя свой отказ возможным взрывом всеобщего возмущения в Польше и усилением антисоветских настроений. Если предложение Хрущева действительно имело место, то отказ Гомулки следует считать одной из самых крупных ошибок в истории ПНР. Правда о Катыни помогла бы, пусть частично, устранить одну из преград, стоящих между польским и русским народами. Разделили эти народы такие трагические события, как пакт

Риббентропа-Молотова 23 августа 1939 года и вытекающий из него акт 17-го сентября; массовая депортация мирного польского населения вглубь СССР в 1940-41 гг.; катынское преступление и, наконец, выдача летом 1944 года участников Варшавского восстания на расправу немцам. В этом перечне катынское преступление стоит особняком. Акты 23 августа и 17 сентября 1939 года можно еще оправдывать соображениями политического и стратегического порядка, пусть и неубедительно, тут есть хоть видимость аргументации. Депортацию польского населения в 1940 году можно объяснять внутренней политикой советских властей, а задержку с наступлением на Варшаву в августе 1944 года — особой стратегией. Однако истребление свыше десяти тысяч военнопленных, в том числе трети всей интеллигентной элиты польского народа, ничем нельзя объяснить. Остается только признать факты, выяснить все обстоятельства, назвать виновных, даже если некоторых из них уже нет в живых. Ужасные преступления фашистов в годы войны разделили в свое время еврейский и немецкий народы, но Германия сумела справедливо наказать преступников, и сегодня уже нет ненависти между Израилем и ФРГ.

Как ни странно, но в нынешнем замалчивании катынского дела заинтересована уже не столько советская сторона, как руководство ПНР. Еще одно преступление в длинном перечне сталинских злодеяний не удивило бы в СССР никого, не явилось бы неожиданностью и потрясением. Трудно найти в СССР хотя бы одну семью, так или иначе не пострадавшую в годы сталинского террора. Все это в Советском Союзе было хорошо известно, а после XX съезда КПСС в 1956 году о сталинских преступлениях заговорили открыто. Падение Хрущева привело к замалчиванию сталинских злодеяний, но они все же остались в памяти народа. Повторим: главные силы, тормозящие распространение правды о Катыни, — аппарат власти ПНР, что, естественно, «не вызывает никаких возражений» со стороны советского Старшего Брата.

После хрущевской эры слово «Катынь» больше не упоминалось в официальных польских публикациях даже тогда, когда речь шла о злодеяниях времен войны. Вот уже двадцать лет цензура старательно вычеркивает это слово, даже если авторы придерживаются советской версии

1944 года. В первом издании польской Большой энциклопедии была опубликована статья о Катыни с пояснением, что это «место немецкого преступления». В следующих изданиях энциклопедии эта статья не фигурирует.

История и совесть мира

Абсолютное молчание советской стороны и невозможность исследования катынской трагедии — все это притормозило, но не остановило расследование преступления. Благодаря усилиям польской эмиграции и объективных зарубежных историков выявились новые факты.

В 1957 году произошло событие, имевшее для выяснения катынской трагедии очень большое значение. 7 июля 1957 года западно-немецкий еженедельник «7 Tage» опубликовал копию и перевод документа, который был предоставлен редакции одним поляком, в годы войны работавшим в строительных отрядах Тодта. Этот документ, датированный 10 мая 1940 года, с грифом «совершенно секретно», за подписью Тартакова, начальника минского НКВД, был адресован его московскому начальству — генералам Зарубину и Райхману. Документ был найден в начале войны среди бумаг, оставленных в здании НКВД в Минске. Это была сжатая информация о ликвидации лагерей в Козельске, Старобельске и Осташкове. В рапорте упоминается некто Бурьянов, представитель центра НКВД, ответственный за проведении всей «акции». Кроме того, в нем отмечалось: ликвидацию «Козельска» осуществили под Смоленском части минского НКВД под прикрытием 190-го пехотного полка, ликвидацию «Осташкова» в районе Бологое — части смоленского НКВД под прикрытием 129-го пехотного полка, стоявшего в районе Великих Лук, «Старобельска» в районе Дергачей — харьковское НКВД под прикрытием 68-го пехотного полка запаса. Операция закончилась между 2 и 6 июня 1940 года. Ответственный за операцию — полковник Б. Кучков.

В 1957 году этот необыкновенный документ не привлек должного внимания. Историки заинтересовались им значительно позднее. Прошли годы. Еженедельник «7 Tage»

давно уже закрылся, его сотрудники разъехались в разные стороны. Несколько лет спустя этой публикацией заинтересовался английский историк Луи Фитцгibbon, отдавший много сил выяснению катынского дела. Он не смог напасть на след оригинального документа, который, очевидно, вернули его хозяину, а тот за эти годы, скорее всего, уже умер. Содержание документа и история его обнаружения свидетельствуют в пользу его аутентичности. Как выяснилось позже, в 1940 году 68-й пехотный полк действительно располагался в районе Харькова.

Поворотным пунктом в исследовании катынского дела стали изыскания польского историка, проживающего в США, профессора Януша К. Заводного. Он родился в 1921 году в Варшаве, принимал участие в сентябрьской кампании 1939 года, потом сражался в рядах варшавских повстанцев. После войны учился в Италии, Англии и затем в США, где в университете штата Айова под руководством профессора Вернона Ван-Дайка защитил магистерскую диссертацию на тему «Ответственность за катынские злодеяния». В последующие годы он преподавал в различных университетах США, сейчас профессорствует в Помонском колледже. Все эти годы он не оставлял катынскую тематику. Его нашумевшая работа «Смерть в лесу» (*“Death in the Forest”*) вышла из печати по-английски в 1962 году. Бесспорно, на сегодняшний день — это лучшее, что написано о Катыни. Книга переведена на несколько языков, но до сих пор не вышла по-польски.

В 1971 году вышла из печати первая работа английско-го историка Луи Фитцгibbonа, который кровавой расправе в Катыни посвятил уже в общей сложности четыре книги, подробно осветив многие аспекты дела. Для англоязычных читателей работы этого историка имеют большое значение, они как бы смягчают возмутительное отношение к катынскому делу в годы войны со стороны правительств США и Великобритании. По крайней мере, одна из его книг должна была выйти по-польски, в одном из эмигрантских издательств.

Работы Фитцгibbonа взбудоражили общественность Англии. Английское телевидение в программе Би-Би-Си выступило с обширной передачей, посвященной катынскому делу. В Палате общин по этому же вопросу выступил член Палаты Анри Нив. По предложению лорда Бэрнбай,

большого друга Польши, 17 июня 1971 года Палата лордов провела заседание по катынскому делу. В английской печати разгорелся ожесточенный спор — в состоянии ли ООН предпринять какие-либо конкретные шаги по расследованию катынского вопроса. Как раз в это время, в июле 1971 года, газета «Дейли Телеграф» опубликовала интервью с израильтянином Абрамом Видрой, который годы войны провел в советских концлагерях, где, по его утверждению, ему довелось сталкиваться с бывшими энкаведистами, принимавшими участие в катынском расстреле и в «ликвидации» двух других лагерей.

И вновь внимание мира было приковано к Катыни. К сожалению, и на сей раз победила концепция «не раздражать чувствительный Советский Союз», тем более что это было время расцвета детанта. Число публикаций о Катыни продолжает в свободном мире расти, но воз и ныне там...

Сегодня мир не нуждается в новых данных для определения виновных в катынском преступлении, все знают, кто несет ответственность за катынские злодеяния, кто замучил в Катыни польских офицеров. Если бы виновата была действительно фашистская Германия, то Советский Союз из-под земли бы выкопал всех виновных и устроил им показательный процесс, будь то в Москве или в Варшаве. Ведь из гитлеровских карательных отрядов, насчитывавших по несколько сот человек, должен был хоть кто-нибудь уцелеть! Советские судьи по сей день разбирают дела бывших военных преступников. В 1977 году был приговорен к расстрелу некто Андрей Якушев, обвиненный в том, что в годы войны во Львове он был комендантом лагеря советских военнопленных («Жице Варшавы» от 5 мая 1977 года). В 1978 году в Советском Союзе были казнены несколько граждан, служивших во время войны в немецких карательных отрядах («Жице Варшавы» 21 декабря 1978 года). Этих преступников сумели отыскать через 32 и 33 года после окончания войны. Только гитлеровских «катынских злодеев» никто не может найти.

В 1974 году, 20 апреля, известный американский ученый Юлиус Эпштейн в своей статье, опубликованной в западногерманской газете «Ди Вельт», сообщил удивительную новость: будто бы китайское правительство располагает

ет документальной кинолентой, запечатлевшей фрагменты катынского расстрела или убийства поляков из двух других лагерей. Это сообщение вызывало серьезные сомнения и вообще казалось маловероятным. Зачем нужно было создавать «вещественные доказательства» преступления, которое собирались вечно хранить в тайне? При более внимательном анализе информация «Ди Вельт», однако, не кажется столь сомнительной. Нельзя забывать о масштабах массовых убийств в СССР. Опыт показал, что истребление тысяч людей требует определенной техники и организации. В СССР в 1936-1939 годах, а потом и в Катыни расстрелами занимались отнюдь не любители, а профессиональные палачи, хорошо знавшие свое дело. Жертв надо было уметь конвоировать, связывать, подводить к могилам. Чтобы убить сопротивляющуюся жертву метким выстрелом в затылок, нужна «отточенная техника». Не подлежит сомнению, что НКВД «воспитывал» такие кадры. Массовое убийство польских военнопленных могло послужить хорошим материалом для создания «учебно-методических» фильмов. Вот почему вышеуказанный фильм вообще-то мог появиться. Если копии его действительно были переданы китайскому правительству, то это могло произойти во время корейской войны 1950-1953 годов, когда Китай и Северная Корея стояли перед задачей «ликвидации» большого числа американских и южнокорейских военнопленных. КНР получила материал для инструктажа, позволявший лучше освоить технику массового убийства. Если правительство КНР располагает этой лентой, то имеет смысл обратиться к нему с призывом — предоставить ее не только «профессионально заинтересованным» лицам, но и мировой общественности.

В 1976 году в Париже в издательстве «Литературного института» вышла книга Станислава Свяневича «В тени Катыни», сразу приобретшая широкую известность. Книга профессора Свяневича — своеобразный дневник автора о пережитом в 1939-1944 гг., со множеством ценных данных о польских пленниках в СССР, а также раздумья о различных аспектах катынского дела. Кульминационный момент книги — описание пребывания автора на станции Гнездово 30 апреля 1940 года. Особенно знаменательно его чистосердечное признание, что до публикации немецкого сообщения в 1943 году ему даже в голову не приходила мысль, что его

товарищей перебили в близлежащем лесу. Профессор Свяневич, будучи глубоким знатоком России, не мог, однако, предполагать, что злодеяния, подобные совершенным гитлеровцами на польской земле, могли иметь место и в СССР.

Книга Станислава Свяневича некоторым образом подводит итог всему написанному о Катыни. Дальнейшие исследования возможны только после обнародования советских документов.

Бесспорно, очень важным не только с моральной, но и с политической точки зрения явился факт появления как в СССР, так и в эмиграции из Советского Союза голосов, требующих полного раскрытия катынской тайны. О Катыни писал Александр Солженицын в III томе «Архипелага ГУЛАГ». Большое моральное значение имеет деятельность украинского публициста и поэта Святослава Караванского, который 30 лет провел в советских тюрьмах и лагерях. Именно в тюрьме от других зеков он впервые услышал о Катыни. В сентябре 1969 года он направил в соответствующие советские инстанции требование о проведении следствия о Катыни. Он указал двух возможных свидетелей, бывших катынских вохровцев, о существовании которых он узнал в тюрьме. Его обвинили в клевете на Советский Союз и 23 апреля 1970 года приговорили к дополнительному десятилетнему тюремному заключению. Он освобожден лишь в 1979 году и в 1980 году покинул СССР.

Число людей в СССР, требующих раскрытия правды о Катыни, все растет. И это чрезвычайно важная тенденция: только полная правда может скрепить дружбу двух народов.

В сороковую годовщину катынского преступления, в апреле 1980 года, большая группа советских правозащитников, живущих в настоящее время на Западе, опубликовала заявление следующего содержания:

В эти памятные и скорбные для Польши дни мы, советские правозащитники, хотим еще раз заверить своих польских друзей, а в их лице и весь польский народ, что никто из нас никогда не забывал и не забудет о той ответственности, которую несет наша страна за

преступление, совершенное ее официальными представителями в Катыни.

Мы уверены, что уже недалек тот день, когда наш народ воздаст должное всем участникам этой трагедии, как палачам, так и жертвам: одним — в меру их злодеяния, другим — в меру их мученичества.

Апрель 1980

Людмила Алексеева, Андрей Амальрик, Владимир Буковский, Борис Вайль, Томас Венцлова, Александр Гинзбург, Наталья Горбаневская, Зинаида и Петр Григоренко, Борис Ефимов, Татьяна Житникова (Плющ), Арина Жолковская (Гинзбург), Юлия Закс, Эдуард Кузнецов, Павел Литвинов, Кронид Любарский, Владимир Максимов, Владимир и Галина Малинкович, Раиса Мороз, Виктор Некрасов, Владлен и Светлана Павленковы, Леонид Плющ, Галина Салова (Любарская), Надия Светличная, Павел Стокательный, Валентин Турчин, Борис Шрагин, Юрий и Вероника Штейн, Татьяна Ходорович.

К этому заявлению прибавили свои подписи и многие другие.

Памятники Катыни

Память о Катыни жива и в Польше, и среди поляков в изгнании. В 1972 году в Лондоне возник польский комитет, занявшийся сбором средств на сооружение памятника жертвам Катыни. Четыре года английские власти чинили работе комитета всяческие препятствия, опасаясь демаршей со стороны советского правительства. Поначалу казалось, что памятник удастся поставить в центре Лондона, в легко доступном для туристов месте. Но это не удалось. Наконец, в сентябре 1976 года на Гуннерсбергском кладбище, расположенном в западном районе английской столицы, был открыт памятник в форме невысокого обелиска с надписями на постаменте. Место было выбрано крайне неудачно, туристы заглядывают туда редко. И все

же сооружение этого памятника можно считать победой, поскольку посольство СССР в Англии заявляло решительные протесты против его установки. Возмущение вызывает, однако, компромиссная формулировка текста, запечатленного на памятнике по-польски и по-английски. Надпись гласит, что обелиск воздвигнут в память свыше десяти тысяч польских пленных из Козельска, Старобельска и Осташкова, «пропавших без вести» в 1940 году, из которых 4500 эксгумировали в 1943 году из братских могил в Катыни. Не зная, где находятся эти места, случайный прохожий может подумать, что речь тут идет не об СССР, а, например, об Аргентине и что эти 4500 — жертвы какой-то эпидемии. Обелиск с подобной надписью оскорбителен для жертв Катыни. Необходимо заменить эту надпись на более точную.

Значение этого памятника все же велико, ведь это первый в своем роде мемориал в память Катыни, воздвигнутый в одной из столиц мира. За этим памятником последовали другие. В сентябре 1980 года памятник жертвам Катыни появляется на одном из кладбищ Торонто в Канаде. Надпись на нем гласит: «Памяти 15000 польских военнопленных из лагерей Козельска, Старобельска и Осташкова, погибших в 1940 году на территории СССР. В братских могилах Катыни, около Смоленска, было обнаружено свыше 4500 жертв, замученных советскими органами госбезопасности». А в мае 1980 года были открыты следующие памятники: в Йоганнесбурге (Южно-Африканский Союз) с надписью «Катынь, 1940. Памяти 14500 военнопленных, замученных палачами Сталина. Совесть мира призывает к справедливости», а также в Нью-Британ (США, штат Коннектикут). Во многих центрах польского рассеяния ведутся сейчас работы по созданию новых памятников и мемориальных досок жертвам Катыни.

Возведение небольшого памятника жертвам Катыни на Военном кладбище (так называемое Коммунальное) в районе Повонзки в Варшаве стало событием первостепенной важности. Уже много лет подряд один из участков этого кладбища считался символической могилой Катыни. В дни национальных праздников поляки возлагали там цветы и зажигали лампы. В мае 1981 года возник «негласный» комитет, приступивший к сбору средств на

памятник погибшим польским офицерам. 31 июля 1981 года на символической могиле Катыни на Военном кладбище был установлен памятник: крест из серого гранита, высотой в 3.85 м, с датой «1940» на скрещении и с надписью на постаменте: «Козельск». На двух каменных столбах, присоединенных к кресту бронзовыми цепями, были высечены слова «Старобельск» и «Осташково», а на плите у подножья памятника — надпись «КАТЫНЬ», буквы «В.П.» («Вечная память») и герб независимой Речи Посполитой — орел с короной. Директор кладбища не возражал против установления памятника, попросил лишь привести в порядок строительную площадку. Многочисленная толпа, присутствовавшая при открытии памятника, со вниманием выслушала «Слово о Катыни», повторявшееся несколько раз в течение дня.

Однако органы польской госбезопасности не отнеслись к памяти погибших с должным уважением. В ночь с 31 июля на 1 августа 1981 года на кладбище въехали какие-то машины. Утром от памятника осталось лишь пустое место — крест вырвали из основания, столбы с надписями и плита исчезли. Чтобы снять крест, весом в 8 тонн, использовали скорее всего подъемный кран.

Осквернение варшавского памятника Катыни вызвало всеобщее возмущение. Негласный гражданский комитет, пополненный новыми членами, преобразовался в Гражданский комитет строительства памятника жертвам Катыни. Началась новая акция по сбору средств.

Правда о Катыни нужна всем

Правительства ПНР и СССР явно рассчитывают на полное забвение катынской трагедии. Надежды их чреватые опасными последствиями. Нежелание выяснить до конца обстоятельства гибели свыше 10000 польских офицеров в 1940 году превращает этот вопрос в острую политическую проблему, проблему, которая все больше будоражит мировое общественное мнение. Мир больше не молчит о Катыни. Миновали времена, когда в политике доминирова-

ли цинизм Рузвельта и Черчилля с одной стороны и лживая жестокость Сталина — с другой.

Польша граничит не с самой Россией, а с Украиной, Белоруссией и Литвой, входящими в состав СССР. В годы сталинского террора все народы СССР понесли тяжелые потери. Масштабы сталинских преступлений широко известны, их выставил на всеобщее обозрение Александр Солженицын — они потрясают, а попытки советского руководства предать их забвению вызывают серьезное беспокойство.

Советское правительство должно наконец понять, что сталинские злодеяния против польского народа навсегда останутся кровоточащей раной, если не будет до конца сказана полная правда. Молчание властей ПНР в деле Катыни делает их морально ответственными за катынское преступление.

Катынское дело не имеет срока давности. 3 декабря 1973 года Генеральная Ассамблея ООН большинством голосов приняла резолюцию, подписанную, в частности, ПНР и СССР, о том, что «к военным преступлениям и геноциду не применим срок давности, и поэтому преступников впредь будут преследовать и наказывать».

У автора этих строк катынское дело связано с судьбой его семьи. Но если сегодня еще живы исполнители массовых убийств 1940 года, он не потребует наказания этих глубоких стариков. Это, однако, не означает, что вместе с семьями других жертв Катыни и всем польским народом он не требует ВСЕЙ правды, раскрытия всех обстоятельств преступления. Мир должен знать правду.

Настало время, чтобы правительства ПНР и СССР под эгидой ООН создали специальный международный трибунал, составленный из представителей Польши, Советского Союза, Германии, Великобритании, США, Франции и других стран. СССР должен предоставить этому трибуналу все хранящиеся архивы катынского дела и позволить заслушать всех оставшихся в живых свидетелей. Все личные дела польских военнопленных, так старательно укомплектованные органами НКВД в Козельске, Старобельске и Осташкове в 1939-1940 годах, должны быть, как бесценные реликвии, переданы Польше, где их будут изучать в специальном институте. Необходимо произвести эксгумацию всех останков в Катыни. Опыленные останки

должны быть захоронены в отдельных могилах на специальном мемориальном кладбище, неподалеку от Варшавы. На этом кладбище необходимо построить храм Памяти польских жертв 1940 года.

Кое-кто считает, что такой мемориал может усилить неприязнь поляков к русскому народу. Не стоит оспаривать такие взгляды. Освенцимский мемориал не разжигает распри между поляками и немцами. Это памятник мученичеству и предостережение миру. Такова и предполагаемая роль в Польше катынского кладбища и катынской часовни.

Необходимо решительно отклонить возможную выплату СССР компенсаций семьям погибших. Нет той цены, которой можно расплатиться за кровь, пролитую в 1940 году в Катыни.

17 января 1973 года известный польский писатель и публицист, живущий в Италии, Густав Герлинг-Грудзинский посетил в Неаполе последнего, вероятно, из оставшихся еще в живых члена международной комиссии 1943 года, профессора Пальмери. Грудзинский старался войти с ним в контакт еще в 1955 году, но проф. Пальмери тогда категорически отказался поделиться своими воспоминаниями о работе комиссии в Катыни. На сей раз он реагировал иначе. В неаполитанской квартире Грудзинского встретил 80-летний старец, сохранивший гибкость и трезвость ума. Пальмери рассказал:

«Не было никаких сомнений ни у кого из двенадцати членов нашей комиссии, не было ни одной оговорки. Все решило вскрытие одной черепной коробки, произведенное венгерским профессором Орсосом. На внутренней стенке черепа он нашел неосубстанцию, вещество, которое формируется через три года после смерти человека. Три года насчитывал также березовый лесок, покрывавший могилу. Мы редактировали медицинское заключение до трех часов утра, чтобы согласовать мельчайшие подробности и замечания всех членов комиссии. Заключение неопровержимо. Его охотно подписали и проф. Марков (София), и проф. Гаек (Прага). Не надо удивляться, что впоследствии они отказались от своих показаний. Может быть, и я бы поступил точно так же, если бы Неаполь был «освобожден» Советской Армией...

Нет, с немецкой стороны на нас не было оказано никакого давления. Нам помогал только один офицер связи, позднее, впрочем, расстрелянный. Кажется, о Катыни вышло много книг. Я их не читал. Могу сказать только то, что знаю...

Преступление — дело советских рук, тут не может быть двух мнений. Раньше или позже Советы должны будут сознаться в преступлении. А правда, что Хрущев предлагал это? Проще простого свалить всю вину на Сталина и попросить у поляков прощения. По сей день перед моими глазами — польские офицеры на коленях, со скрученными сзади руками, пинком ноги сваливаемые в могилу после выстрела в затылок...»

Если такие кошмары все еще преследуют опытного судебного эксперта, человека, по роду своей профессии привыкшего к самым жутким зрелищам, то что тогда говорить о простых поляках!

23 августа 1939 г. Советско-германский договор подписан

Сталин и Молотов обещают генералам Сикорскому и Андерсу, что пропавшие польские офицеры будут разысканы

1943 г. Извлечение трупов из братских могил

Трупы офицеров, извлеченные из братской могилы

*1943 г. Русский крестьянин дает показания
международной комиссии*

Осмотр тела, извлеченного из могилы

**СПИСОК
СОВЕТСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЛИЦ
И РАБОТНИКОВ НКВД,
персонально ответственных за массовые
убийства польских офицеров в 1940 году***

Берия Л.П.,
комиссар госбезопасности
Берешков, полковник
Богданович, ст. лейтенант
Бородинский П.
Борисовец, ст. лейтенант
Василевский, капитан
Волков, полковник
Губаев, ст. лейтенант
Демидович, капитан
Егоров С.Е., майор,
в 1945 г. генерал-майор
Зарубин В.М.,
в 1945 г. генерал-майор
Иванов, капитан
Кадищев, майор
Киршин (или Кирскин),
комиссар
Косынкин П.Е., генерал
Круглов С.Н., генерал

Куприянов, полковник
Лебедев, майор
Лейбкинд, ст. лейтенант
Лебедевский, полковник
Мазур Павел, майор
Меркулов В.Н., генерал
Миронов, полковник
Молотов В.М.
Морский, агент
Райхман Л.Ф., генерал
Розуваев Яким, шофер
Рыбак Л., полковник
Серов И.А., комиссар
госбезопасности
Сиротский, агент
Сталин И.В.
Старикович, лейтенант
Урбанович, полковник
Федотов П.Ф., комиссар
Эльман, майор

* Список, естественно, неполон, его следует продолжить и завершить.

KATYN
1940

WISNIE WIELKI W. POLSKA

IN ENGLISH

OF 1940, POLISH PRISONERS OF WAR WHO DIED IN THE
KATYN CAMP, AT KATYN, POLSKA, A CONSEQUENCE OF WAR
AND WHO WERE DECEASED IN 1940, DECEASED IN 1940, DECEASED